

Религия и наука в их отношении к наступающему XX столетию¹

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Когда занималась заря XIX столетия, свободомыслящие люди Европы бодро и смело смотрели в будущее они верили, что начинается новая эра в истории человечества, что в близком будущем восторжествует свобода – политическая и научная, и что вместе с исчезновением политического рабства рассеются и религиозные суеверия. Воображению свободолюбивых философов конца XVIII века рисовался свободный сын XIX столетия, сын не имеющий никаких господ и не знающий властей и авторитетов, кроме авторитета своего разума. Ещё раньше, чем солнце XVIII века зашло, один из сыновя этого века (Вольтер) сказал: «пройдет сто лет и христианство сделается достоянием истории». Разуму этого философа христианство представлялось явлением антиразумным, антирациональным, и он был убежден, что свет науки скоро покажет всему человечеству эту антиразумность и антирациональность христианских доктрин, что на место стесняющей совесть догмы станет охраняющее совесть право, на место скрывающей истину религии станет исследующая истину наука. Желанные сто лет прошли. И XIX век отходит в вечность, как назад сто лет отходил в вечность XVIII век. Исполнилось ли приведенное пророчество?

Вы, господа, собравшиеся сюда в эту скромную аудиторию, свидетельствуете своим присутствием здесь, что это было не пророчество, а только мечта, что эта мечта не осуществилась, и что имеются люди, которые признают безумием и горьким делом её осуществление. Вы явились сюда, чтобы изучать православно-христианское богословие, православно-христианскую религию, но изучать не как исторический памятник, не как оставленную грезу, а как живое и действенное учение, которое должно осуществлять в жизни и в осуществлении которого заключается истинное благо и истинная жизнь. Но может быть мы с Вами только немногие и печальные исключения, только старые тени, пережиток прошлого? Может быть современное научное откровение еще не проникло с своим светом в ту умственно низкую ложбину, в которой живем мы, и в то время, как в других местах, солнце знания делает для всех явной истину, мы, блуждающие в тени, живём еще верой в старые призраки?

Ваша совесть и ваша вера протестуют против этой гипотезы: на моей

обязанности лежит показать, что и разум не может согласиться с ней. Религиозная вера существует. Ее отрицают, ее пытаются отвергать, на нее нападают со всевозможнейших сторон; но она светит и греет в сердцах лучшей части человечества. Мы с вами избрали своей задачей служить делу утверждения этой веры. Как служить – об этом вам много будут говорить в будущем. Но теперь в настоящем при моем первом знакомстве с большинством из вас предлагаю вам некоторые доводы в доказательство того, что религиозная вера существует не у одних нас. Затем мы постараемся рассмотреть с вами положение веры – её современное отношение к её (говорят) исконному врагу – знанию: и, на основании этого рассмотрения, мы попытаемся установить первые методологические правила в деле выяснения и обоснования веры.

Глава I

Я проехал в 98–99 гг. по Европе, около полугода я жил в Берлине и пять месяцев в Париже – этих двух умственных центрах старого материка. Исполняется ли там пророчество фернейского пророка? Существует ли там вера, как умирающий пережиток, или она и там, как у нас, есть сила, действующая во спасение? И затем, сравнительно с тем, что было назад столетие, насколько мы знаем и можем судить об этом бывшем, расширилось или, наоборот, сузилось и ослабело это царство веры? Мне кажется, я высказываю свое личное мнение, что царство веры теперь укрепилось в качественном отношении, вера стала более разумной и, следовательно, более крепкой. Конечно, вера не платье, она не выставляется наружу и оценить её глубину и определить её размеры далеко не так легко, как определить значение каких-либо экономических приобретений или территориальных захватов. Вера, это – сокровище, которое человек носит в глубине своего духа и которое, помня заповедь Спасителя, он даже старается скрывать от непосвященных. «Не давайте святыни псам». Можно ли говорить о благодатной силе таинства тела и крови с человеком, для которого всякое таинство есть только грубое и безмерное суеверие – предмет для острот и насмешек. Перед ним должно молчать, чтобы он не принял горшего осуждения. Но к счастью и скрывающая себя молчаливая внутренняя вера неизбежно должна проявляться в некоторых внешних обнаружениях – в поведении, в отношениях к людям, в образе действий. И не только вера, но даже и желание, и искание веры – я имею в виду разумное и честное искание – не могут совсем оставаться тайными, их можно открыть и заметить. Христиане первого века, исповедуя тайно свою религию, имели некоторый условный знак, по которому узнавали друг друга – знак рыбы. Христианин, подозревая в незнакомом собеседнике христианина, чертил или показывал знак рыбы, и, если собеседник действительно был христианином, он отвечал на этот тайный знак явным исповеданием веры. Масоны нового времени имеют тоже условные знаки, по которым они узнают принадлежность друг друга к франкмасонской общине. Но кроме этих условных знаков есть некоторая безусловная печать, которую налагают на человека его религиозные убеждения, и от взора даже непроницательного и неглубокого не может совсем ускользнуть эта печать – печать дара Духа святого. Внешняя жизнь человека есть выражение его внутренней настроенности, и вот, мне кажется, что современная жизнь

запада являет нередкие примеры истинной религиозности – той религиозности, которая является могучей силой мира и ради которой может быть и стоит мир.

Действительную веру, раз она существует действительно, теперь найти легче, чем это было сто лет назад. Некоторые условия назад тому столетие делали то, что людям в роде Вольтера казалось, что истинной веры (т. е. веры действующей во благо) нет совсем, а людям иного склада ума, чем у Вольтера, казалось и кажется, и теперь, что назад тому столетие истинной веры было очень много. Дело в том, что тогда рядом с истинной верой было много симуляции веры. Трудно было иногда различить первую и вторую. Быть верующим часто бывало выгодно, и потому рядом с верой тогда стояло лицемерие. Репутация религиозной благонадежности, твердость в вере стоили тогда гораздо дороже всяких дипломов, и поэтому даже либеральные короли XVIII столетия при назначениях на высокие должности руководились как главным мерилom таковой репутацией, и, поощряя вольномыслие в гостинной, всячески возбраняли ему вход в канцелярии министерств. Но канцелярии эти заманчивы, и потому люди опытные и практичные сбрасывали с себя легкомысленный костюм вольнодумцев, облачались во вретисце благонадёжности, начинали усердно ходить в церковь, усиленно вздыхали о грехах и, имея в перспективе царство небесное, скоро приобретали очень хорошее положение в царстве земном. Теперь такое побуждение к религиозному лицемерию сильно ослабело. Во Франции ему по-видимому трудно иметь место. Там религиозность, понимаемая в смысле католическом, естественно может внушать себе только опасения. Там сомневаются, чтобы глубоко-религиозный католик мог быть глубоким патриотом, потому что для искреннего католика интересы Ватикана должны быть дороже интересов Франции, и затем там сомневаются, чтобы искреннему католику мог нравиться теперешний правительственный строй республики. Христианская монархия для верующих католиков должна представляться несравненно более привлекательною, чем не признающая никакой религии палата депутатов. Поэтому католики в католической Франции считаются опасными людьми. Когда там происходят религиозные торжества, и должны бывают говорить духовные ораторы, например, в этом году на празднествах в честь Жанны д'Арк правительство заранее волнуется, боится антиправительственных речей со стороны духовных, и в стране, где не запрещаются никакие сходки, где терпят анархисты, иногда замечается недостаток терпимости по отношению к служителям христианской религии. Когда нынешним летом на скачках в булонском

лесу оскорбили действием президента, в этой дикой расправе кроме непосредственных участников обвиняли вообще аристократов и клерикалов, и лучшие из таковых, назову между ними известного антрополога маркиза Надаяка, должны были подать особую петицию о своей совершенной лояльности, полной готовности подчиняться законам республики и с выражением порицания тем, кто так грубо выразил свой протест против существующего правительственного строя. При таких условиях, понятно, не всякий имеющий склонность быть лицемером захочет им быть в действительности, во всяком случае для удовлетворения своей артистической склонности к симуляции, он предпочтет стать лицемером нерелигиозным, а политическим, будет прославлять не Бога, а принципы свободы и равенства и вместо религиозных собраний будет усердно посещать политические митинги. Но пусть его ходит, куда он хочет. Для нас важно, что около каждого верующего человека теперь рядом не стоит симулянт и поэтому теперь реже и меньше должно приходится думать, имеем ли мы дело в тех или иных случаях с действительной верой или с притворством. Конечно, нельзя сказать, что религиозное лицемерие исчезло совсем, в отдельных случаях оно не исчезло и во Франции, но оно ослабело.

Рядом с лицемерием в доброе старое время было много ханжества. Лицемер стремится обманывать других, ханжа идёт далее, он обманывает и самого себя. Усердно исполняя внешний ритуал религии, он приобретает внутреннюю уверенность, что он не таков, как прочие человеки. Мнимым или действительным образом эта уверенность передается и другим, и таким образом ханжа приобретает внешний почет и внутреннее благополучие, приобретает влияние на дела и притом на дела, требующие в высшей степени нравственно деликатного отношения, на дела религиозной совести. Влияние ханжей в этом отношении было и велико, и плачевно. Нередко это люди, у которых порочность, бесчувственность, жестокость по отношению к ближним соединяются с приданием великой важности и с тщательным исполнением каких-либо правил религиозного ритуала, исполнение которых с их стороны не требует никаких усилий и никакого труда, на которые для других часто являются бременами неудобно носимыми. Такого рода ханжество боится просвещения, свет знания заставляет ханжей оставлять председательство на торжищах и бежать в темные норы и тайные помещения, все равно как свет солнца заставляет прятаться летучих мышей и сов. Только невежественных людей ханжи успевают убедить, что исполняемые ими правила, важнейшие и спасительнейшие правила и что неисполнение их – великое преступление,

тезисы, которыми они привлекают уважение к себе и гнев на легкомысленно относящихся к их священному культу. Умственное развитие, не касаясь щекотливого вопроса о тех побуждениях, которые заставляют ханжей становиться ханжами, показывает, что, их дело – пустое дело и даже не дело, к ним начинают относиться с насмешкой и презрением и их перестают слушать, и они тогда удаляются в свои каморы, чтобы оплакивать развращенность людей, а охотников стать их преемниками в виду невыгодности занятия не оказывается.

Так, по мере развития из кадров людей, стоящих под знаменем религиозной веры, выходят лицемеры и ханжи, затем, по мере научного развития от веры, которая сама становится просвещенной, отделяются люди суеверные и люди слепой веры. Источник слепых и суеверных верований – умственная и нравственная лень. Люди, мышление которых не привыкло работать, смотрят на вещи глазами своих отцов, повторяют их символ веры и служат их богам, но истинное богопочитание не может быть наследственной привычкой, а должно быть выражением живого убеждения и личной настроенности. Рутинность в деле религии часто прикрывает отсутствие религии, а там, где она является даже фанатичной, прикрывает отсутствие разума. Если люди, не любящие мыслить, становятся приверженцами слепой веры, то люди, не любящие нравственной самостоятельности, охотнее других подчиняются влиянию суеверий, они живут в мире нелепых страхов и химерических надежд, но понятно, что опору своим заблуждениям они могут находить только в своеобразном толковании религиозного учения о тайне и таинстве, а не в рационализме. По естественному порядку такие люди свою патологическую религиозность должны передавать своим детям, но здесь между ними и их детьми становится просвещение, наука. Новые знания, которые дает этим детям школа, оказываются несогласными или трудно согласными с верованиями отцов. Разбираться в этих верованиях и знаниях оказывается и трудно, и некогда, при новых условиях жизни является более удобным пользоваться новыми знаниями, чем старыми верованиями и суевериями, и дети пассивно плывут по новому руслу, которое прорыла новая эпоха, как отцы пассивно плыли по старому.

Так, в XIX столетии происходило не падение религии, не крушение верований, а оставление знамени веры теми, которые всегда были сомнительными исповедниками истин религии, и нравственные качества которых нередко могли бросать только тень на то знамя, под которым они стояли. Должно ли скорбеть о том, что с их удалением ряды верующих поредели? Нет, думаем мы, потому что они не только не служили делу

религиозной истины, но не редко препятствовали и другим увидеть, где она находится. Однако было бы большой несправедливостью сказать, что наука, просвещение отняли у христианства только ненужных или даже негодных членов. Нет, взглянем смело в глаза истине и сознаемся, что наука отнимает у религии людей, которые, если бы она не отняла их, были бы добрыми сынами веры. Такое обвинение науки может некоторым показаться ужасным, парадоксальным, но за всем тем оно справедливо, наука заставляла и заставляет многих отказываться от признания истин религии во имя двух родов оснований:

во-первых, потому что наука неоднократно провозглашала, как доказанную истину, положения, которые стоят по-видимому или в действительном противоречии с истинам веры

во-вторых, потому что наука, воспитывая мышление человека в сфере естественного, тем самым отучает его от понимания сверхъестественного, одностороннее изучение матери заставляет забывать о духе; и постоянное исследование физических законов необходимости делает непонятными и недопустимыми нравственные законы свободы. Таким образом и методы науки, и её содержание являются искушением для веры человека. Господь не налагает на людей искушений более, чем они могут понести, но люди часто не обнаруживают охоты нести и такое бремя, которое вполне отвечает их силам, от этого и происходят падения при искушениях. Теперь в новое время, как и в первые дни после творения, искушение дьявола – будете как боги, знающие добро и зло, оказывается особенно губительным. Исполняется толкование Господа притчи о плевелах: «Ко всякому слушающему слово о царствии и неразумющему приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот, что означает посеянное при дороге» (Мф. 13:19).

Без сомнения, это печально. Печально видеть людей, которые по-видимому по своим умственным дарованиям и нравственным качествам должны бы были быть украшением христианской церкви и которые выступают на борьбу против этой церкви. Печально видеть это прание против рожна, которое притом обыкновенно заканчивается не тем, что Савлы становятся Павлами, но, напротив, тем, что и слушавшие раньше слова св. Павла превращаются в Савлов. Церковь покидается. Надежды Вольтера на то, что наука будет отнимать у церкви её сынов, оправдывались и оправдываются отчасти, но к счастью только отчасти. Остается еще добрая земля, семя, посеянное на которой, приносит плод: одно – во сто крат, другое – в шестьдесят, иное в тридцать. т. е. есть люди, слушающие слово истины, разумеющие его.

Некогда пророку при Хориве, возмущённому нечестием Израиля и думавшему, что только он один остался верным служителем Господу, в веянии тихого ветра Господь возвестил, что Он «оставил между израильтянами семь тысяч (мужей); всех сих колена не преклонялись перед Ваалом и всех сих уста не лобызали его“ (3Цар.9:18). Мы недостойны подобно великому пророку получать вразумления свыше. Но достаточно вразумлений нам дает сама действительность. Нам говорят: «неверующий запад“, «гниющий запад“, нам пишут книги: «борьба с западом“, все это, конечно, должно утверждать в мысли, что религиозность на западе подгнивает, и что просвещение там неизбежно соединяется с безбожием. Но страшен сон, да милостив Бог. Книги часто бывают плохим зеркалом действительности, искажающим и обезображивающим его. Одну сторону жизни, одно явление, несколько фактов писатели обобщают, провозглашают всеобщий характер этого явления, ужасаются им или ликуют. Из множества красок и цветов, которыми пестреет мир, они выбирают какой-либо один и думают, что избранный ими цвет и есть окраска целого мира. Несколько атеистических и кощунственных книг, несколько случаев, говорящих о дурной нравственности и безрелигиозности, и вот готово обобщение, что люди неверуют, развратились, как во дни Ноя, и что нужно ждать скорого гнева Божия подобного тому, который некогда поразил Гоморру. Но мир стоит. Солнце светит. Каждую весну расцветают цветы, природа облекается в праздничные уборы, птицы и животные наслаждаются радостями жизни, а человеку дано их неизмеримо больше. Значит, есть нечто доброе в мире, ради чего поддерживает Господь бытие мира, значит, есть еще в человечестве горение и трепетание духа, тяготение к бесконечному благу.

Да, оно есть, не на востоке только, не в Москве, которую парижане называют святым городом (*la sainte ville de Moscou*), но и в Париже, и в других старых городах старой Европы.

Вот перед нами столица Германии – Берлин. В нем немало величественных и просторных церковных зданий. Посмотрите на жизнь Берлина между 10 и 12 часами по воскресным дням. Вое магазины, все торговые заведения закрыты, улицы пустынные и даже на обыкновенно оживленном Фридрихштрассе – этом жизненном нерве Берлина – вы находите редких встречных и на лицах всех как бы написано, что они и сами понимают, что теперь не время фланировать по городу. Войдите в церкви – они полны посетителями. В протестантских церквях присутствующие сидят, но если вы пришли поздно, для вас не останется места на скамейках и вам по православному обычаю придётся слушать

службу стоя. Пение, игра на органе, молитва и проповедь, вот содержание протестантской службы. В пении отчасти принимают участие все присутствующие, проповедь слушается с глубоким вниманием, тишина, серьезность. Состав присутствующих разнообразный, старые и молодые, мужчины и женщины, преобладает элемент женский, дети совершенно отсутствуют. Но не думайте, что дети забыты. Для них совершается специальная служба около двух часов дня. Тогда происходят церковные собрания из тех малых, о которых Христос сказал, что таковых есть царствие Божие. Маленькие мальчики и девочки всегда хорошо и чисто одетые, как бы ни были бедны их родители, с серьезными и торжественными личикам, сопровождаемые матерями, няньками и воспитателями школ собираются слушать наставления пастора, получают религиозно-нравственные брошюры, листки и без сомнения они расходятся потом к своим детским забавам с более чистой и просветленной душой.

Кроме воскресений в протестантских кирхах бывают еще собрания вечером по средам. И эти собрания не бывают малоллюдными, только на них в громадном большинстве преобладают женщины. Женщины – охранительницы интимных начал, мужчина проводит свою жизнь и делает свое дело в обществе, на улице, перед людьми, женщина своими заботами охраняет семью, покой и чистоту семейного очага, она раньше священника учит ребенка молиться. Ренан сказал, что в образовании великих религий (христианства и ислама) великую роль играли женщины. Что ни одна строка христианского и магометанского вероучения не написана женщиной, это следовало бы знать французскому ученому, но что в христианской общине и особенно в христианской семье женщины оказывали могучее влияние на проведение религиозного вероучения в жизнь, об этом мы склонны спорить всего менее. Мужчину от религиозных забот отвлекает «злоба дневи», он находит себе ободрение и нравственное успокоение в семье, здесь он забывает о горестях и неприятностях службы, о тяжелых столкновениях, о несправедливости. Женщина для того, чтобы дать нравственные ободрение и поддержку ищущему их мужу, черпает себе нравственные силы в молитве и церкви, и тот запас чистого настроения и добрых мыслей, который ей дает церковь, она отдает семье, детям, мужу. Церковные собрания Берлина показывают, что там много таких женщин, и что, следовательно, там много детей будет научено хорошо молиться.

Один день в году протестанты всецело посвящают покаянию. Это – Busstag – день покаяния. В Берлине в прошлом году он справлялся в среду

16 (4) ноября. Торговая, научная, промышленная и служебная жизнь в этот день прекращаются. В университете не читаются лекции, в театрах не играют спектаклей, не дозволяются даже концерты. Совершаются усиленные службы, а вечером в некоторых театрах даются духовные оратории. Я был в этот день в церкви ап. Филиппа. Проповедовавший суперинтендант Фридрих говорил проповедь на евангелический рассказ о том, что Христос лицам, сообщивших ему о галилеянах, умерщвленных Пилатом сказал: «думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если и покаетесь, все также погибнете“ (Лук. 13:2,3). Эти громовообличительные слова Господа проповедник, хотя и не в угрожающе суровой форме нашел возможным приложить к своей скромной пастве. Громадная зала кирхи, хоры, все было переполнено, костюмы на всех были скромны, лица носили на себе отпечаток религиозного смирения. Все приходили сюда с любовью к Богу, и все призывались к любви к ближнему (при кирхе имеется попечительство о бедных прихода), и думается, что все вышли из неё несколько лучшими, чем какими вошли. В том обстоятельстве, что в этот день запрещены спектакли, ясно открывается, что большинство на стороне церковных преданий, что религия здесь далеко не достояние истории.

А дозволенные оратории? Это, ведь, нечто подобное богослужению. Я слушал в тот вечер в королевской опере ораторию Гайдна – «времена года“. Театр был полон, но публика была одета необыкновенно скромно. В художественно задушевной форме изобразив путь жизни человека, оратория дала всем глубоко нравственное назидание, показав, каким разумным светом освещает круговорот жизни религия. В произведении не было ни одного элемента, ни одной ноты, которые носили бы на себе отпечаток того, что нередко носит на себе искусство – язычества, прославления человеческой страсти, любви к женщине, геройских подвигов и т. п. Нет, все было освещено высокой христианской идеей. Это был урок религиозной этики, облечённый из снисхождения к немощи слушателей в эстетически художественную форму.

Мне пришлось еще провести в Берлине *Weihnacht* – святую ночь, рождество Спасателя мира. Рождество – детский праздник. Уже задолго до 25 декабря в магазинах появились ёлки, праздничные деды с праздничными подарками, башмаки, наполненные конфетами и т. д. Почти каждое немецкое семейство, устраивает себе в этот праздник ёлку. Но религиозный центр тяжести в празднике чувствуется очень сильно. Уже задолго до святок в кирхах начинают даваться религиозные концерты, содержание пьес главным образом составляет событие Рождества, иногда

устанавливается небольшой сбор в пользу бедных на святки, ибо весьма прилично конечно, чтобы был хотя один день в году, когда и все бедные были бы сыты. Все это, видно, совершается по установившейся веками традиции, эти сентиментально возвышенные концерты, на которых добродушные немки проливают обильные слезы, эти праздничные книжки и картинки, назидательно поучающие о святой ночи, и это светло-торжественное и умиленное настроение, которое, конечно, более всего охватывает детей, но которое чувствуют в некоторой мере и старики, и взрослые. Чем может заменить наука эту чистую радость чистого праздника?

У нас имеются данные, что даже тогда, когда эта наука заключает свое содержание в отрицании божественного характера христианских праздников и в отрицании сверхъестественности христианства, служители её иногда ищут успокоения в том, что они отрицают в своих научных теориях. Есть в Берлине тиргартен, это большой лес среди большого города. В нем есть церковь во имя ап. Матфея, пастор этой церкви Браун – один из лучших проповедников Берлина отличается в церковном отношении строгим образом мыслей и сурово осуждает новейшее рационалистическое направление богословской науки, он стоит за то богословие, которое существовало исстари, которое верит, что Христос воскрес и что если Он не воскрес, то суетна вера наша. Знаете ли, кого называют в числе усердных слушателей и почитателей этого пастора? Адольфа Гарнака, эту блестящую звезду Берлинского Университета. Историк рационалист, может быть забывая о своих рационалистических теориях, скромно слушает здесь изложение и утверждение старой, им в сущности отрицаемой протестантской веры. Что приводит сюда историка? Недавно его постигло несчастье. Его брат – профессор математики, которому он посвятил свою историю догматов, сошел с ума, он заболел манией преследования, совершил из Берлина в Будапешт бегство от воображаемых врагов и кончил тем, что был посажен в дом умалишённых. Мы думаем, что подобного рода события не остаются без влияния на наше нравственное мирозерцание, но нам также кажется, что для талантливого историка и помимо этого печального обстоятельства имелись побуждения, заставлявшие его ходить в церковь тиргартена. Остроумно и своеобразно объясняя происхождение христианских догматов, он своим светлым умом должен был видеть, что он лишает их внутреннего смысла, и его сердце, конечно, не могло успокоиться на его доктринах. В лаборатории своих научных спекуляций он должен был находить слишком мало чистого и согревающего душу воздуха. Такой

воздух сохраняется в старых церквях, и блестящий историк Берлина и ходит туда, чтобы от времени до времени дышать в их здоровой и нравственно-благодетельной атмосфере.

Германию, положим, не называют безбожной, но этот эпитет часто усвояют стране, с которой мы в настоящее время находимся в союзе – Франции. Союзная, дружественная и безбожная нация. Для уха человека, воспитанного в старых верованиях такое сопоставление определений, без сомнения, покажется странным, но нам кажется, что это последнее определяющее прилагательное не только странно, а в значительной мере и неверно. В Париже возвышается немало величественных и грандиозных церквей, и эти церкви не забытые музеи, не археологические памятники, а места постоянных многолюдных собраний. Зайдите в Notre Dame (собор Парижской Богоматери) в какой вам угодно час, и всегда вы увидите у подножия статуи девы людей, которые на коленях выливают и исповедывают перед ней скорби своего сердца, молят о своих нуждах, благодарят за полученные радости. На улицах Парижа можно встретить очень многих духовных лиц. О том, что религиозная вера далеко не угасла в Париже, кроме церквей и кюре свидетельствуют целые улицы и округа. На улице Rennes – громадной и широкой улице, тянущейся от бульвара Сен-Жермен к вокзалу Монпарнас вы найдете целую серию магазинов, торгующих религиозными предметами, специальные книжные магазины по католическому богословию (в других местах имеются специально протестантские). Округ около церкви св. Сульпиция (там состоит аббатом Вигуру – исследователь в области Ветхого Завета, работы которого высоко ценятся и учёными рационалистического направления) прямо носит название клерикального – магазины, названия, надписи, все здесь говорит о силе католической веры. На любой улице Парижа вы найдете немало магазинов, где продают Souvenir première communion – обыкновенно картинки на память о первом причащении, и в магазинах платья обыкновенно выставляются костюмы мальчиков и девочек для première communion. К первому причащению у католиков допускаются мальчики и девочки в возрасте лет 14 после испытания в знании веры, и видно, что еще многие жители Парижа считают нужным учить детей истинам этой веры и направлять их к принятию пищи от древа жизни.

Замечательно, что в Париже религия имеет своих почитателей главным образом вовсе не в низшем классе населения, христианство здесь вовсе не религия рабов, как это было в древнем Риме, и не религия невежд, как это пытаются утверждать некоторые органы русской печати. Нет, христианство имеет здесь своих искренних сынов в самых различных

классах общества. И так как мы с вами, конечно, должны и хотим иметь дело с миром интеллигентным, с миром разума, то для нас и поучительно отметить, что в высшем ученом учреждении французской республики члены с христианским образом мыслей вовсе не устраняются и не представляют собой исключительного явления. Высшее ученое учреждение Франции, это французский институт, здания которого помещаются против роскошных музеев Лувра на левом берегу Сены. Институт этот подразделяется на следующие отделения: французская академия (академия сорока бессмертных), образуемая главным образом из наличного состава лучших французских литераторов, академия наук, академия надписей и изящной литературы, академия нравственных и политических наук, академия изящных искусств. Между членами этих академий находится немало лиц, религиозность которых никем не оспаривается. Таков в числе бессмертных Брюнетьер (он же редактор одного из самых солидных журналов Франции – *Revue de deux mondes*), по мнению некоторых и благомыслящих и верующих ученых он даже перешел нужные границы в своем недавнем апологетическом походе, именно тем, что, защищая веру, вздумал чересчур унижать науку, этим он дал в руки своих врагов оружие, которым, конечно, те не замедлили воспользоваться. Но во всяком случае Брюнетьер – лицо не отсталое по своим воззрениям, заседания академии бывают под его председательством. Далее, в числе членов есть даже епископы (Перо – епископ Отенский), членом состоит Бурже, который довольно решительно исповедует истинность и нравственную обязательность христианских доктрин. По отделении наук мы находим немало добрых католиков и вообще верующих христиан – престарелого математика Гермита, астронома Фая, который начало своей книги о происхождении мира посвятил рассуждению о Боге творце, бытие которого признал непоколебимо, Лаппарана – строгого католика и блестящего геолога, Годри, который хотя и верует в эволюцию, но верует также, что прогрессивное течение мировой жизни управляется высшим Промыслом. В академии надписей мы находим аббата Дюшениа, в академии нравственных и политических наук Поля Жанэ и Бутру – являются представителями идеалистических начал. К этим именам можно бы было присоединить и другие и потом должно заметить, что если начать перечислять членов института, стоящих в прямой оппозиции к религии, то их окажется очень немного. Каждый новый член в каждом отделении института выбирается путем голосования членами этого отделения. Конечно, все кандидаты хорошо известны тем, кто их выбирает, и то обстоятельство, что при таких условиях выбираются

лица с религиозным мирозерцанием и что, напротив, прямые противники религии выбираются редко и только обыкновенно уже во внимание к исключительной талантливости (в прежнее время Литрэ, Ренан, теперь – Сюлли-Прюдом, но Эмиль Золя в течение уже многих годов тщетно стучится в двери академии), ясно показывает, что атмосфера французского института, а вместе с тем, конечно, и атмосфера всей мыслящей Франции вовсе не антирелигиозная.

Мы ведем речь о том, что было и что есть. То, что есть, мы можем наблюдать более или менее непосредственно, современное религиозное состояние России, Германии, Франции, Англии и т.д., но о том, что было, мы можем судить только по литературным источникам, свидетельствам современников, и здесь наши представления о положении дел могут в значительной степени меняться, смотря по тому, какие начала мы примем в руководство для составления наших суждений. При оценке и выяснении прошедшего очень легко можно впасть в заблуждение, доверившись писателям, которые идеализируют старину и особенно старину религиозную. Нам всем приходилось слышать и читать о благочестивой и святой старине, о благочестии людей прошлых столетий, и опираясь на подобного рода чтение, некоторые думают, что происходит постоянное падение веры, но обратимся к иного рода документам. Остановимся на философской литературе второй половины XVIII столетия и именно на философской литературе Франции, и сравним ее с современной. Литература прошлого столетия безмерно далеко заходила в отрицании, литература настоящего времени гораздо сдержаннее, спокойнее, и относится с несравненно большим уважением к традиционным взглядам и верованиям. Франция, и особенно Париж легко могут произвести на наблюдателя впечатление безбожной страны, потому что там не запрещается неверующим людям громко кричать, что они ни во что не веруют, но очень несправедливо шум, поднимаемый подобного рода лицами, принимать за выражение общего настроения и общих убеждений. Разумная религиозная вера спокойна, серьезна и не говорлива, неверие нередко бывает хвастливым и заносчивым и часто обнаруживает склонность к победоносному шуму. Во Франции нет цензуры, и потому атеисты спешат воспользоваться имеющейся возможностью поглумиться над верой, высказать свое *profession de foi*, привлечь, если это окажется возможным, к себе новых адептов. Когда, основываясь на подобного рода явлениях, нам говорят о современном торжестве атеизма и об отошедшем в вечность благочестии прошлого, нам вспоминаются рассказы о прежних благочестивых людях, которые громко в слух всего мира говорили:

«Господь Бог создал Адама“, а потихоньку в интимных компаниях наставляли: «ну, полно, какой там Бог, просто на просто обезьяна“ когда у лучших из таковых в интимной же беседе спрашивали, почему же они оказываются такими неблагодарными по отношению к произведшей их природе и по отношению к своим действительным обезьяноподобным предкам, ставя на их место придуманного Бога и мифического Адама, они отвечали, что этим они успокаивают сердца верующего народа и делают более спокойным и счастливым собственное положение, последнее, конечно, самое важное. Святые отцы и благочестивые мыслители прошлых веков всегда признавали, что есть нечто худшее, чем атеизм, и мы думаем, что это религиозное лицемерие прошедшего гораздо хуже наивного крика современных атеистов.

Говорят, о том, что религиозность исчезает в массах. Но прежде всего спросим мы, откуда знают, что она в них была? К народу, к массам внимательно стали относиться и изучать его только недавно. Прежде его или игнорировали, или идеализировали, или изображали в самых черных красках, но в глубину народной души не заглядывали. Во всяком случае несомненно, что назад тому столетие народ был гораздо невежественнее, чем теперь, он не знал самых начальных истин религиозной веры. Какую же веру мог иметь он? Кем и какому неведомому Богу был воздвигнут алтарь в сердцах этого народа? Что он был суевернее, это – бесспорно. В таком случае нужно только радоваться, что он теперь хотя отчасти освободился от гнета и власти страхов, созданных собственным воображением, он стал менее доверчив и более критичен, и самостоятелен, но действительные сторонники религиозной истины могут и должны только радоваться этому.

Я сказал, что мне представляется, что вера теперь стала более разумной и, следовательно, более крепкой. Вера людей в течение последнего столетия подвергалась многим искушениям, и потому неудивительно, что большинство из преодолевших искушения суть люди высоких достоинств. Прежде вера, все равно как милостыня фарисеев, получала очень скоро свою награду и притом не от Бога, а от людей. Это делало слабейших из верующих требовательными, заносчивыми, самоуверенными. Они могли преследовать неверие, сомнения, и будучи господами положения вашей, они нередко в религиозной, но неразумной ревности наряду с действительными заблуждениями преследовали и мнимые, наряду с требованием исповедания божественной истины часто требовали исповедания и человеческой лжи, своего совершенно ошибочного понимания писания и вообще – откровения. Теперь

положение вещей изменилось. Люди веры прежде всего сами призываются давать отчет в их уповании, им никто не спешит подчиниться, но от них требуют, чтобы они представили оправдание разумности и моральности своих воззрений. Прежде учителя веры не всегда с достаточным разбором возлагали бремена на тех, кто желал им следовать, придавали одинаковую важность и существенному, и несущественному, не разграничивали области веры от области подлежащей свободному исследованию, поэтому учение о кровообращении или о шарообразности земли казалось им иногда более преступным, чем воровство и убийство. Теперь в силу новых условий они принуждены много раздумывать о существенном и несущественном в вере, о том, где должно полагать границы требованиям религиозного вероучения. Прежде *ad maiorem Dei gloriam* – для религиозных целей часто пускались в ход мирские средства, пытались насильно направлять людей в царство небесное, теперь в этом деле следуют словам Господа о царстве небесном, что оно «силой берется и употребляющие усилие входят в него», входят при помощи собственной нравственной самодеятельности, к которой могут направить человека только высокий нравственный пример и убеждающее своей внутренней истиной слово. И на самом деле посмотрим, в доброе старое время, когда царили благочестие и чистота веры, на которые так умиляются любители старины, каковы были духовные вожди народа? Католическое духовенство начала новых веков, иезуиты – что же это действительные служители Христа и истолкователи Его заповедей? Иезуитов вообще никогда не обвиняли в безнравственности, они всегда являлись фанатическими служителями религиозной идеи, но каким грубым непониманием христианства была запечатлена их деятельность в прошедшем! Иезуитов много и теперь, между ними много ученых, и верующие и неверующие читают теперь с истинным удовольствием их трактаты – в этих трактатах нет старой казуистики, нравственной эластичности, двусмысленности, это – добросовестные и часто талантливые исследования по различным вопросам знания. На служителях католической веры лежит старая тень многих исторических грехов, их обвиняют и в жестокости к противникам (Бруно, Галилею), и в безнравственности. Раз рассказывают страшные истории о развороте пап. Но теперь? Самый упорный враг католицизма едва ли насчитает во Франции много фактов, говорящих о безнравственности или бесчестности их служителей алтаря. Что касается до нравственной личности последних пап, то на нее решительно никто не осмеливается набросить тени. Католицизм с своим видимым непогрешимым главой, конечно, содержит много заблуждений, нельзя сказать, что его

духовенство вообще безупречно: от времени до времени оно в различных местах проявляет неразумный фанатизм, и затем, обязательное целибатство налагает на него такое искушение, переносить которое способными оказываются только немногие. Но бесспорно, что теперешнее духовенство несравненно лучше прежнего, что времена Боккаччо и его «Декамерона» прошли. Если учителя и руководители стали лучше, то должны стать лучше и ученики и руководимые.

Но мы предполагаем не только то, что учителя веры и общество верующих становится лучше, нет, мы предполагаем гораздо большее, что и неверующее общество стало лучше, что, несмотря на то, что оно отрицает учение Христа, оно восприняло некоторые Христовы заповеди и все шире и шире, более и более проводит их в жизнь. Ближайшая задача, которая намечена возрожденному человечеству, это устройство царствия Божия (церкви Божией) на земле. Царство Божие, это – правда, мир и радость о Святом Духе. Без сомнения, прямой путь которым каждый может содействовать устройению этого царствия, это прежде всего личное религиозное, а затем и всестороннее усовершенствование; но человек слаб, и едва ли его особенно можно осуждать, если он приближается к высшей правде не прямыми, а извилистыми путями. Должно любить Бога, это высшая задача и высшее блаженство человека, но больному и мутному взору человечества страшно и больно взирать на Божество. Поэтому людям дана другая ближайшая заповедь – любить ближнего. Кто говорит: «я люблю Бога, а брата своего ненавижу; тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит» (1 Иоанн. 4:20). Апостол не говорит, что, кто любит ближнего, тот уже непременно любит и Бога, но из его слов можно вывести, что любовь к ближнему есть шаг на пути любви к Богу. И вот, мне думается, что неверующий Запад делает шаги в этом направлении. Никто не может оспаривать, что там видна усиленная забота о благополучии меньших братьев. Забота о том, чтобы бедным детям давать бесплатное образование, доставлять содержание, развлечения, устраивать для них праздники; затем забота о бедных взрослых, чтобы они не подвергались эксплуатации богатых, чтобы они по возможности имели доступ к духовным радостям жизни, могли наслаждаться чтением, музыкой, пением, театром, могли бы видеть произведения искусства, знакомиться с научными завоеваниями. Далее, забота о бедных в болезни и старости, образование пенсий, сберегательных касс. Теперь тщательно стараются урегулировать заработную плату и число часов рабочего дня. Число рабочих часов стремятся сократить, а заработную плату увеличить. Бесплатные

лечебницы, бесплатные библиотеки, бесплатные учебные курсы в западных городах часто попадаются на глаза. Во время моего пребывания в Париже там произошла стачка почтальонов. Палата депутатов составила проект об увеличении их содержания, сенат отверг предложение палаты. Это произошло в среду днем, а в четверг утром в Париже уже не разносилось писем, и Париж, в котором ежедневно доставляется на дома до миллиона писем, печатных изданий и посылок, подобно глухим городкам и деревням, имеющим не ежедневное почтовое сообщение, в этот день остался без почты. Стачка была быстро и энергично подавлена. Бесспорно, образ действий стачечников был нечестен (они отказались исполнять обязанности, не отказываясь от должности), незаконен и неразумен. Вследствие их поведения пострадали совершенно невинные люди, не получавшие своевременно нужных сообщений. Не представлялось особых затруднений уволить весь состав почтальонов и заменить его новым, но вместо того, чтобы поступить так, с каким снисхождением и вниманием отнеслись к ним правящие классы. И печать, и общество единогласно высказали порицание их движению, но, признавая их заслуживающими кары, указывали великое смягчающее обстоятельство в скудости получаемого ими содержания и говорили, что должно смягчить им наказание и позаботиться об улучшении их быта. Точно также во всех других сферах деятельности упорно ставится теперь вопрос о меньших делателях, об их благополучии. Не только эксплуатация, но даже неравноправие встречают себе суровое осуждение. О народе, о меньшем брате заботятся, его хотят накормить, одеть, научить и приобщить к культурному человечеству. Но эти заботы о меньшем брате разве не представляют собой шага на пути к устроению царствия Божия?

Могут возразить, что в данном случае мотивы, побуждающие неверующие общественные классы запада заботиться о низших, вовсе не высоконравственного характера. Что одни о меньших братьях вспоминают, чтобы кольнуть ими своих старших братьев, что другие обращаются к меньшим братьям, чтобы иметь в них опору против старших. Что вообще высшие классы делают уступки низшим, потому что чувствуют, что безмерная эксплуатация и давление низших классов не могут кончиться добром, что народ, эта стихийная сила, может возмутиться, прийти в движение, может произойти революция, может начаться дикая и кровавая расправа с высшими классами. Побуждением для того чтобы заботиться об образовании и развитии низшего класса, говорят далее, может служить стремление иметь у себя слуг и работников лучшего качества. Вообще хотят установить, что не любовь к меньшему

брату побудила старшего протянуть ему руку помощи, а забота о собственном благополучии и собственная опасность. Если же все это совершается даже не на альтруистической, то тем более, конечно, не на религиозной почве. Сами борцы за права человека не апеллируют к религии, да и их способ действия далеко не всегда согласуется с требованиями религиозной правды. Пусть все это так! Скажем мы. Пусть взаимодействие между высшими и низшими, благотворительные учреждения, больницы, школы возникли для блага ближнего раньше, чем устроившие эти учреждения пожелали им блага. Вообще, пусть выражения любви явились раньше любви. За всем тем, нам кажется, во всем этом нужно видеть движение ко благу, к созиданию царствия Божия. Внутренняя настроенность людей не отвечает провозглашаемым и даже отчасти осуществляемым ими принципам добра, дела явились раньше любви, но раз заповедь о любви произнесена громко, раз люди увидели необходимость осуществления этой заповеди, то благоразумие скоро приведёт их к сознанию, что самое лучшее для них это приобрести такую настроенность, по отношению к которой дела любви явились бы её естественным выражением. В прошедшем высшие классы общества презирали низшие и эксплуатировали их. Низшие классы завидовали высшим и ненавидели их. Вот строй жизни, над созиданием которого трудился отец лжи и зла дьявол. Божественный промысл словами пророков и учителей, равно как и событиями жизни, наставлял людей, что их жизнь ненормальна, и что начало благополучия на земле утверждается на возвешенных с неба шести последних заповедях десятисловия: почитай родителей, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не клевети и не только не делай, но и не желай делать ничего подобного. Первая из этих заповедей и есть первая заповедь с обетованием: «да благо ти будет, и да долголетен будешь на земле блазе» (Исх. 20:12). И вот, опыт тысячелетий приводит людей к признанию вечной правды этих истин второй части десятисловия. Часть признается за истину, это великий шаг к тому, чтобы признать истину целого.

Движение по направлению к истине, по пути к правде выражается в настоящее время в отношениях некоторых неверующих к служителям религиозной правды. В прошедшем это отношение можно было характеризовать одним словом – глумление. В служителя алтаря, в богослове неверующие вовсе не хотели видеть человека каких-либо убеждений, борца за то, что он считает истиной, в нем обыкновенно видели шарлатана и притом даже низшего разбора. Мы можем читать старинные описания того, как негры ловили иезуитов, и как маленькие

негритята кричали с восторгом, что они сегодня будут есть иезуитину. Мы можем читать описания любовных приключений патеров, по большей части неудачных, рассказы об их корыстолюбии и о том, как, встречаясь с плутами, более искусными, чем они сами, они оставались в глупом положении и пропадали. Даже наш Пушкин – может быть в дни, когда у него, пользуясь его собственным выражением были «сердце пусто и празден ум» разрешился одним таким произведением. Досужие люди не прочь и теперь искать для себя духовного наслаждения в подобного рода глумлении, но общее направление теперь иное. Неверующий мыслитель наших дней видит в богословии не шарлатана, не практического дельца, а идеалиста, человека благородных, возвышенных, но, правда, ложных принципов. Каждое заблуждение, конечно должно иметь вредные последствия; таковые последствия, с точки зрения современного атеиста, должна иметь и религиозная вера, но он видит для неё много смягчающих обстоятельств, он признает, что эта, с его точки зрения, *piu fraud* полезнее и благотворнее того «не знаю», которое только единственно он может сказать в ответ на вековые вопросы. Затем, современный мыслитель, не принимающий положительной религии, *libre penseur*, в обиду говоря, не столько атеист или пантеист, сколько скептик, он во всем сомневается и в глубине души у него всегда таится сомнение – точно ли выбранное им миропонимание есть наилучшее? Будучи в глубине души скептиком, мыслитель понимает прекрасно, что для житейского обихода очень недостаточно одной скептической философии, что нужно нечто положительное, нужны некоторые устои и что такие устои можно находить в религии. Конечно, религия с её мистицизмом, откровением, догматами в его глазах есть тормоз для свободного исследования истины, но с другой стороны он признает, что она включает в себе много добрых правил, освящает требования морали, и что в конце концов догматы религии не хуже догматов любой философии. Отсюда и служитель религии, будет ли он служителем церкви или только ученым, защищающим религиозные начала, в глазах современного атеиста является лицом, вполне заслуживающим уважения, он видит в нем разномыслящего собрата (собрата по занятиям философскими вопросами), и в его глазах этот брат является даже окруженным некоторым возвышенным ореолом, он защитник умирающих идеалов, возвышенных, благородных, но умирающих, он – жертва святой иллюзии. Современный мыслитель, конечно, считает себя несколько выше этого собрата, молящегося тени, но он слишком развит для того, чтобы не оценить достоинств святой молитвы. Человек, молящийся небу об очищении своего сердца и

оправдании своего дута, не виноват в том, что небо не слышит его, потому что оно пусто, если небо не может, то люди должны оценить благородный характер его молитвы. Во имя этого и многих иных подобных соображений христианский богослов не презирается теперь неверующим миром. Ученый неверующий спешит к нему с дружественно протянутой рукой и с готовностью служить, поскольку может, своими учеными указаниями. При подобного рода встречах, при первом свидании забывается различие нации, различие убеждений, люди сходятся на общей почве честного искания истины, которую они понимают различно, но узнать которую оба они желают от всей души. Я смею думать, что ни один православный богослов в настоящее время не может сказать, что на инославном и неверующем западе к нему отнеслись высокомерно, с насмешкой или что ему отказали или обнаружили неохоту давать нужные пособия. О нет, современный православный богослов при своих странствованиях по западу так же, как и другие, и я склонен думать даже более, чем другие, встречает свидетельства и доказательства возрастающего и укрепляющегося сознания братства народов. Его встречают как брата, как друга, к его верованиям относятся с уважением и к нему самому с любовью. Подобного рода отношение рождает в душе самые благородные чувства, начинаешь сознавать нравственную солидарность человечества. А разве эти чувства не представляют собой приближения к тем, которые должны одушевлять членов церкви Христовой, где нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, но все и во всех Христос.

Кто верит, что человечество должно устраивать свою жизнь не по собственным измышлениям и произволу, а на основании учения откровения, кто верит, что залог счастья человечества в религии, тому, мы думаем, должно быть дорого то обстоятельство, что религия в настоящее время становится предметом усердного изучения, и ее изучают не только верующие, как данное и непререкаемое исповедание веры, но ее исследуют и неверующие, как замечательный исторический факт, как важную психологическую проблему. Изучается религия вообще, во всех тех разнообразных формах, в которых она являлась в исторической действительности. Стараются понять религиозные верования дикарей, пытаются проникнуть в сумрак их души. Прежде вопрос о них, их верованиях и убеждениях решался очень просто, они хуже скотов бессловесных, их можно и должно употреблять вместо скота, на них охотились в Африке и ими наводняли торговые рынки Америки. Когда американские дикари оказались малоспособными к работе, обстоятельства

как-то сложились так, что эти несчастные дикари стали вымирать. Теперь вспомнили и об этих уже действительно меньших братьях человечества, и теперь лучшие из исследователей засвидетельствовали, что в душе у первобытных дикарей таятся те же стремления и порывы к не постигнутому Благу. Пытаются понять сущность их верований, выяснить и определить тот психический рычаг, который заставляет их почитать фетишей и бояться мертвецов. Усердно изучают религии древних культурных народов, из религий современных буддизм со стороны некоторых пользуется даже преувеличенным вниманием. Изучение религий ведется рационалистическим методом, но весьма важен самый факт, что оно ведется и ведется усердно. В первое время существования христианства о христианах ходили самые нелепые и невозможные слухи, говорили, что они употребляют в пищу человеческие тело и кровь, что предаются неудержимому разврату, что у них на вечерах любви происходит кровосмешение. В ответ на эти обвинения христиане отвечали приглашением узнать их поближе. На религию вообще в недалеком прошлом возводилось тоже немало и тяжелых обвинений и происхождение её предполагали в самых мутных источниках. Мы должны радоваться, что религию теперь исследуют. Пусть на самом деле проверять, явилась ли она вследствие невежества, неразумия и страха или имеет свой корень в иных высших побуждениях. Пусть исследуют христианство. Результатом исследования должно явиться; познание истины, но Христос сказал: «познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн. 8:32), т. е. свободными от заблуждений, истина рассеет тьму, в которой теперь бредет человек, и он тогда свободно и сознательно будет выбирать себе суть жизни, который теперь он часто выбирает под темными влияниями. Конечно, между познанием истины и её исканием лежит большое расстояние и их разделяет немалое число препятствий. Ограниченность умственных сил и познаний человека делают то, что он легко принимает ложь за истину и высшую истину отвергает во имя лжеименного знания. По отношению к религиозной области даже обыкновенно происходило то, что первые шаги исследования вели к отрицанию или сомнению. Но наша религиозная вера дает нам надежду, что это только первые шаги, дальнейшее движение само по себе должно показать ошибочность первоначальных рационалистических обобщений и затем, неужели богословы окажутся совсем неспособными или не желающими показывать рационалистам ошибочность их методов и воззрений?

Не будем закрывать глаза перед истиной, научное исследование

доселе в общем направляло людей не по пути к церкви, но вело от церкви на страну далече. Между некоторыми положениями науки и тезисами веры по-видимому есть противоречие, а из двух противоречивых положений только одно может быть истинным. Между религией и наукой конфликт по многим пунктам существовал всегда и по многим пунктам он устранен, но постепенное развитие научного знания непрестанно выдвигает новые пункты для столкновений. На ком лежит забота об их устранении? Конечно, на нас с вами, господа! Наше дело бороться с теми идолами Бэкона, которые закрывают святую истину от человечества.

Вам предстоит вести эту борьбу в наступающем XX столетии. Вы – работники XX столетия. В каком же положении находятся теперь к началу века поле духовной битвы, в которой принимают участие лучшие духовные силы человечества? В каком положении находится конфликт между религией и наукой? Какие представляются лучшие средства для его устранения? Я думаю, что нам лучше всего начать нашу работу с обсуждения этих вопросов, с исследования современного положения борьбы между религией и наукой, чтобы путем такого исследования выяснить существо и задачи науки о религии, определить методы, которыми мы должны идти в избранной нами деятельности.

Глава II

Девятнадцатое столетие завещает двадцатому неразрешенный конфликт между богословием и науками естественными, историческими и философскими. Конфликт между учением веры и различными научными вопросами имеет различную давность: в одних случаях мы имеем перед собой многовековую историю спора, в других столкновение возникло на наших глазах. Несогласие религии и науки по различным вопросам имеет и различную популярность. Естественнонаучные возражения известны всего более, об обезьяне и Дарвине слышал всякий; о том, что существует какая-то рационалистическая критика библейского текста, подозревают очень немногие. Наибольшая давность, понятно, принадлежит возражениям философским, существенные вопросы веры с древнейших эпох человеческой истории решались рационалистически многими философами. Наибольшую наглядность и убедительность в настоящее время приписывают возражениям естественнонаучным, эти возражения, говорят, утверждаются на фактах, а нет ничего неотразимей и убедительней факта. Мы начнем наше обозрение пунктов разногласия между религией и наукой с того, где торжество неверия над верой мыслителям рационалистического направления представляется имеющим наибольшую наглядность и кончим обозрением тех возражений против веры, которые имеют наибольшую давность.

Говорят, что между богословием и естествознанием существуют разногласия в представлении:

- 1) системы мира
- 2) истории этой системы и
- 3) взаимоотношения существ в этой системе и в этой истории.

Анализ библейского текста и его понимания у древнейших толкователей, по мнению исследователей рационалистического направления, раскрывает, что христианская вера представляет землю центром мироздания и человека его венцом. Все светила мира – солнце, луна, звёзды, кометы вращаются вокруг земли, все они служат земле во знаменья и во времена, и чтобы освещать и согревать ее. Все вне земли существует только для земли, и земля существует только для человека. Он – истинный и единственный владыка вселенной. Таков, говорят, смысл христианской космологии. До XVI столетия эта космология была всеобщей, но в половине XVI века гениальный каноник из Торуни навеки сокрушил ее своей книгой *De revolutionibus orbium coelestium* (1543 г.) которая

произвела истинную революцию в миропредставлении человечества. Он высказал, что земля только ничтожная точка в безграничной вселенной, что она один из сравнительно незначительных спутников солнца, которое само вовсе не представляет собой особо грандиозного мирового тела, солнце, это только песчинка, плавающая в океане вселенной, Близорукость и слабость человеческого зрения в течение тысячелетий не могла рассмотреть мириадов миров, находящихся за пределами той системы, центром которой была эта песчинка. Люди не догадывались, что маленькие предметы вблизи кажутся больше больших, находящихся в отдалении. Вследствие этого их картина мира была совершенно ложной. Коперник принял во внимание оптические свойства нашего глаза, стал на новую точку зрения, и мир оказался совершенно иным. Но это изменение в представлении мира, говорят, вместе с тем было крушением религиозных верований. Прежде миропредставление утверждалось на авторитете божественного откровения, теперь вместе с падением этого миропредставления пал и этот авторитет. Что значение смелой гипотезы скромного каноника было действительно таково, это, говорят, ясно открывается из последующих обстоятельств. Книга Коперника была занесена в index (в 1616 г.), и с идеями этой книги католическая церковь вела долгую и упорную борьбу, и она заставила Галилео Галилея стоя на коленях произнести перед священной конгрегацией Рима следующую присягу: «я был сильно подозреваем в еретическом мнении, что солнце стоит неподвижно в центре мира, а не земля, которая движется. Поэтому желая изгнать из мысли ваших преосвященств и всякого католика такое сильное, но справедливое против меня подозрение, с чистым сердцем и искренней верой, я отрицаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутые ереси и заблуждения, и вообще всякое заблуждение, противное учению св. римско-католической церкви, я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего могущего возбудить против меня подобные подозрения, и если узнаю о каком-либо еретике или подозреваемом в ереси, то донесу о нем сему святому судилищу инквизиции или инквизитору того места, в котором буду находиться“. Устами Галилея римская церковь назвала новую космологию ересью, она упорно боролась с ней, но наука победила, и церкви пришлось уступить. Однако да не подумает кто, что по вопросу о представлении мира между учеными и верующими установился мир. Нет, и на западе до последнего времени нет да нет какой-нибудь ревностный католик выскажет, что земля стоит, а солнце движется (например, недавно Делетр) и на востоке не мало таких религиозных геоцентристов. В некоторых изданиях и из частных

бесед со сведущими людьми приходится узнавать о существовании лиц, бесспорно, очень образованных, которые или прямо отрицали теорию Коперника или уже в течение десятилетий собирают против неё доводы. Что показывают эти факты? Как будто то, что в глубине своей души они надеются, что в один прекрасный день явится новый каноник или аббат и сокрушит своими доводами систему Коперника, как некогда Коперник сокрушил Птолемея. Сила вещей, говорят, заставила богословов принять новое учение и заявить, что и Библия учит именно так, как учит новая астрономия, но в глубине души они сознают, что Библия учит не так, и ждут, что новое, хотя бы научное откровение обличит некогда ложь астрономической доктрины.

Перемещение центра вселенной, по мысли ученых, непременно влечет за собой развенчание человека. Если земля не центр, то человек не владыка мира. На бесчисленных мирах вселенной должны существовать бесчисленные обитатели, и поскольку эти миры более величественны, громадны и прекрасны, чем земля, постольку их обитатели должны быть выше земных. Житель Сатурна должен быть гораздо выше, чем человек, и житель Сириуса должен стоять неизмеримо выше сатурнианца. В «микромегасе» Вольтера мы находим беседу гражданина Сириуса с гражданином Сатурна, о сущности и цели бытия. Местом разговора была земля, и в него вмешались земные мыслители. Тогда маленькое животное в черной шапочке, высокомерно вмешавшись в спор, заявило, что оно знает всю тайну бытия и что раскрытие её находится в «сумме» (*summa theologica*) св. Фомы. Маленькое животное хотело смотреть сверху вниз на обоих небесных обитателей, оно заявило им, что они, их миры, их солнца, звезды, все это создано единственно для человека. Это нельзя сказать, чтобы скромное представление о человеке вызвало неудержимый смех в жителях небесных миров. Но такое заявление, говорят, и теперь идет со стороны религии и вызывает законный смех в людях науки. В апологетических трактатах подробно раскрывается, что во всей неизмеримой вселенной только одна земля устроена так хорошо, что на ней возможна жизнь и притом разумная жизнь. Когда миланский астроном Скиапарелли выступил с своей теорией обитаемости Марса, подтверждаемой будто бы присутствием на Марсе искусственных каналов, богословы явно обнаружили, что они живо заинтересованы в том, чтобы эта гипотеза оказалась ложной. В апологетических журналах и книгах скромному спутнику солнца стали оказывать преувеличенное внимание. Все сообщения наблюдателей Марса, опровергающие Скиапарелли, заносились тщательно на приход защитниками христианской веры. Линии

каналов, оказалось, перемещаются; отсюда вывод, что, значит, они не искусственные водные сооружения. Материки Марса окрашены в красный цвет. Эта окраска, по-видимому, должна быть вследствие присутствия на Марсе большого количества однооксида железа. Если бы на Марсе была растительность, то она бы перевела одноокись железа в двуокись, имеющую черную окраску; значит, на Марсе нет растений, а если нет растений, то нет и животных. На все эти рассуждения апологетов ученые отвечали, что мы не знаем ни состояния других миров, ни того, при каких условиях возможно там развитие жизни. Жизнь может там существовать совершенно при иных условиях, чем на земле. Мы не знаем всех возможных типов, в которые может отлиться жизнь, и мы имеем все основания думать, что они не ограничиваются теми, которые мы знаем. Если бы мы не знали, что в воде живут рыбы, мы бы думали, что в воде жизнь невозможна. До последнего времени отвергали возможность жизни на больших глубинах (считая препятствием для неё страшно высокое давление воды), глубоководные исследования отвергли это предположение. Мы не знаем всех условий, при которых возможна жизнь; не знаем условий, в которых находятся миры вселенной; не знаем о существовании бесчисленного количества миров, находящихся вне тех пределов, до которых может достигать наш глаз, смотрящий на небо в сильнейшие телескопы. Та пустота, которую мы представляем во вселенной, есть только пробел в нашем знании. Не зная ничего о мире, мы наивно воображаем, что он представляет собой пустыню. Но телескоп, вычисления и размышления во всяком случае приводят к признанию неразумности такого представления и к предположению, что кроме человека в мировом пространстве живет немало существ, которые стоят неизмеримо выше человека. Эти предположения науки, говорят, стоят в противоречии с положениями религии, с учением о земле, творении и падении человека, о спасении человека через боговоплощение, о имеющем быть втором пришествии, о воскресении тел, вообще со всей религиозной доктриной, которая делает землю ареной всемирной истории, ареной, на которой как бы исключительно развивается деятельность Самого Божества.

Конфликт между религией и наукой в деле представления системы мира восходит к XVI столетию. Вследствие того, что он имеет давность почти в полтысячи лет, он утратил свою силу и остроту. Он замалчивается, дети в христианских школах одновременно заучивают и истины религии и представления новой астрономии и при помощи некоторого фиктивного примирения оба ряда представлений мирно укладываются в их юных

головках. Гораздо позднее всего лишь со второй половины XVIII столетия возник конфликт по вопросу о представлении истории мира, и так как от возникновения конфликта до настоящих дней протекло сравнительно немного времени, то он еще не улажен, богословы не пришли еще ни к какому окончательному соглашению. Вообще говоря, богословы чувствуют, что придется уступить, но пока остается малейшая возможность не делать роковой уступки, они ее не делают.

Согласно учению, признаваемому откровенным человек думает, что мир существует очень недавно. До человека он существовал всего пять дней с небольшим и со времени появления на земле человека еще не прошло восьми тысяч лет. Человек думает, что безусловно истинное описание этой истории он имеет на страницах Библии. Наука последнего столетия идет решительно против этих представлений, возникли космогония и историческая геология, которые сообщают нам о прошедшем мира нечто совершенно иное, чем то, что мы вычитывали на страницах священных книг. Теперь исполнилось ровно сто лет, как стала разрабатываться теория образования солнечной системы, к которой принадлежим мы. В своих подробностях эта теория различными учеными представляется различно, но в своей сущности она неизменно содержит следующие утверждения:

1) пространство, занимаемое солнечной системой, прежде все было наполнено разреженной материей;

2) эта материя постепенно в течение миллионов лет сгустилась и сконцентрировалась в нескольких отдельных пунктах, каковые местные концентрации дали рождение солнцу, планетам и кометам (Лаплас допускал, что кометы пришли в солнечную систему из другого мира, но теперь это представление вообще оставлено). Во время процесса этих частных концентраций, совершавшихся с крайней медленностью и постепенностью, образовалась и земля. Она явилась не сразу совершенной и готовой к жизни, растения не покрыли её поверхности в течение 24 часов, птицы, рыбы и млекопитающие не явились в ней сразу по одному волшебному мановению. Нет, исследование земной коры, в которой погребена вся прошлая история земного мира, показывает, что земля явилась сначала в раскаленном огненно-жидком состоянии, что долго в течение многих и многих веков она, как огненный метеор, носилась по небесному пространству. Нужно было много веков, чтобы на ней создались условия, делающие возможной жизнь.² Никто еще не заключил в хронологические рамки историю, пережитую землей, но если приложить хронологический расчёт только к самым последним эпохам

существования земли, то легко можно убедиться, что здесь мы имеем дело с миллионами лет. Мы знаем, как изменяется рельеф суши теперь, как перемещаются море и земля, постепенно образуются возвышенности, передвигаются ледники. Во времена непосредственно нам предшествовавшие процесс этих изменений должен был совершаться подобным образом, как он совершается теперь. Исследование явлений выветривания, размывания, образования наносов, явлений сейсмических и вулканических показывают нам, что изменения на поверхности земли происходят медленно и постепенно, что катастрофы, вообще говоря, почти не влияли на эти изменения, они были редки и имели слишком ограниченные размеры, чтобы их можно было принять в расчёт, как важные геологические факторы. Но если изменения в прошедшем совершались так же медленно, как в настоящем, то спрашивается, сколько же тысячелетий было нужно для того, чтобы море от Парижа передвинулось к Дьеппу и Гавру, и чтобы море, покрывавшее некогда московскую и тульскую губернию, замкнулось в те тесные границы, которые мы теперь называем Каспийским морем? Хронологический масштаб, которого требует от нас геология, очевидно, несовместим с теми скромными датами, которые мы извлекаем из священной истории. Затем, последовательность появления существ, которую рисует нам геология, пестрота жизни и постоянная смена форм жизни утверждаемая ей, как все это не похоже на тот порядок творения, о котором повествует Библия.

Конфликт между наукой и библией в вопросе об истории мировой системы и земли падает главным образом на первую половину XIX столетия. К концу этой половины он, если не совсем, то все-таки был смягчен. Появились гипотезы соглашения, которые хотели примирить новую науку с старой верой. Но в это время в естествознании возникло новое учение, которое должно было положить конец этим попыткам примирения, которое давало совершенно новую философию мировой жизни и которое во вторую половину века крайне обострило отношения между богословием и естествознанием. Явилось учение, которое всю многотысячевековую смену флор и фаун, начинающуюся с возникновением монеры и кончающуюся появлением человека, попыталось истолковать генетически, как развитие одного древа жизни, как историю в сущности одного рода, в котором последующие члены были высшими типами по отношению к предыдущим. Согласно этому учению в природе происходили не смена одних геологических и палеонтологических эпох другими, не смена флор и фаун, а непрерывный процесс развития, Лошадь не сменила собой гиппариона – животное очень

близко подходившее к лошади, но имевшее не один, а три пальца на ноге, но произошла от гиппариона. Существуют некоторые факторы, рычаги в природе, которые производят, что последующие поколения не повторяют своих отцов, но представляют изменение их типа в общем в прогрессивном, иногда в регрессивном направлении. Процесс развития органической жизни совершался таким образом. Сначала путем постепенного преобразования из неорганической матери образовалось органическое вещество, затем явились организмы без органов (монера, амеба), под воздействием различных внешних условий первичные организмы дифференцировались, из них в течение может быть миллионов лет, или веков образовались различные типы беспозвоночных (мы говорим о развитии только животного царства), кишечнополостные, губки, насекомые, ракообразные, моллюски, черви. Явились асцидии – тип, приближающийся и к червям, и к моллюскам, от них, полагают, произошли первые позвоночные (простейший тип – ланцетник). Затем, путем развития явились рыбы от рыб земноводные, от земноводных летающие и пресмыкающиеся, сумчатые млекопитающие, лемурные, обезьяны, человек. Современная наука не претендует на то, что она может вполне объяснить этот процесс развития происхождения организмов, но она утверждает, что она может доказать, что он был таков. В сущности, мы, ведь, не можем объяснить, как происходит то, что из зародышевого яйца образуется человеческий зародыш, как из маленького ребенка вырастает взрослый человек. Еще менее мы можем объяснить, как из монеры или из какого-либо ящероподобного существа каменноугольного периода явился род homo. Но за всем тем в человеке говорят найдены несомненные следы его животного происхождения (рудиментарные органы, явления атавизма и т. д.). А главное, найдены палеонтологические предки человека. Последняя такая находка была сделана в конце 1894 г. врачом голландской службы Дюбуа на острове Явы. Именно, он нашел несколько костей, которые по мнению антропологов не принадлежат ни высшим обезьянам, ни низшим человеческим расам. Существо, которому принадлежали найденные кости, они назвали *Pithecanthropus erectus* – прямоходящий обезьяночеловек и признали его промежуточным звеном между человеком и обезьянами подобным ныне существующим антропоидам (шимпанзе, горилла, орангутанг). Генеалогия человека вообще считается теперь твердо установленной. Эта генеалогия в противоположность библейской устанавливает связь человека не с Богом, а с животными. Первые человеческие предки согласно этой генеалогии не были существами, созданными по образу и подобию Божию, нет, это были

гориллоподобные существа, которые бродили по лесам Борнео, Суматры и Явы, боролись при помощи зубов и когтей и, благодаря силе, хитрости и ловкости, постепенно становились царями положения. Они не были совершенно подобны современным антропоидам. Современные человекообразные обезьяны носят на себе печать вырождения и близкой смерти. В зоологических садах Европы (их привозят очень немного, в Берлине умер в мае этого года орангутанг, прожив там около пяти лет) эти обезьяны производят на посетителей чрезвычайно тяжелое и грустное впечатление. Родившийся под экваториальным небом Суматры и умирающий в холодном и туманном Берлине орангутанг с своими человеческими хватками, с грустной ласковостью, с навертывающимися порой на глазах слезами, должен был заставлять думать посетителей, что ради них его лишили свободы, во имя науки оторвали от братьев, семьи и перевезли с благодетельного юга на убивающий его север. Во имя науки уничтожат и всех его собратьев. В ряду предков человека не могло быть такого вымирающего рода, но за всем тем этот род близкородственен его предкам. Но человек поднялся над родственными типами, однако он поднялся, как выскочка, как рагвену, отличительное свойство всех выскочек – лиц низкого происхождения своеобразным путем достигших высших степеней, что они усердно стараются порвать связь с своим прошлым, замести и уничтожить следы своего происхождения. Бессознательно или сознательно, но так поступали люди с самого первого времени своего существования, расы более культурные выживали и губили расы низшие, а расы низшие вытеснили и победили антропоидов. В конце концов исчезнут и антропоиды, и дикари. Не по закону и праву человек занял то положение, которое имеет теперь, он занял его, благодаря насилию и силе, но со временем некое *état de force majeure* победит и его. Солнце станет менее давать тепла земле, земля будет менее производить питательных и нужных веществ для человека, за процессом культурного развития начнется период падения, эпоха декаданса, которая кончится смертью человечества. Человечеству принадлежит только момент мировой истории, оно построило свое, относительное благополучие на костях своих предков и родственников им существ. Но если так, то, значит, человеку нечего и претендовать на какую-то религию и высшую мораль. Для своего временного благополучия он может создать условно временную мораль, право, полицейский устав, но все это не имеет отношения к абсолютным идеалам, к Высшему Существу, и человек не имеет никаких сношений с этим Существом.

Так, новое учение о происхождении и судьбе человека устраняет

религиозные воззрения на его существо и назначение. Новое учение самоутверждается исключительно на данных естественноисторических, но вместе с тем оно своим содержанием связывает естественноисторические науки с чисто историческими, сообщает последним метод первых и от этих же первых берет руководящие и освящающие идеи, которые и поставляются последними во главу угла. История человечества, по новому учению, является только частью, правда, важнейшей, но все-таки частью истории животного мира. Антропология неразрывной связью связывается с зоологией. Говорят, что в третичный геологический период было на земле какое-то существо, о котором трудно решить, было ли оно животным или человеком? Оно употребляло камни, как орудия, по-видимому иногда даже пользовалось огнём, но, полагают, не владело членораздельною речью. В четвертичный период человечество прошло много стадий в своем развитии, эпохи: шеллийскую, мустьерскую (геологические, в ледниковую эпоху; последующие стадии в современную), солотрийскую, магдаленскую (все это продолжительное время называется периодом оббитого камня, которым пользовался тогда человек для своих нехитрых целей), затем робенгаузскую (эпоха, когда человек стал употреблять полированный камень) и затем, пройдя этот длинный ряд стадий (наглядно археологически эта история происхождения и развития человечества представлена в Сен-Жерменском музее национальных древностей близ Парижа), человек вступил в период исторический (эпоха металлов). Так, истории, по новому учению предшествовало в жизни человечества долгое и темное прошлое. С религиозной точки зрения в жизни человечества не было доисторического периода. Первый человек Адам всецело принадлежит истории. Создание человека – это великий акт, занесенный в назидание и поучение человечеству на страницы Библии, за творением вскоре последовало падение и немедленно обетование о спасении. После этого начинается история домостроительства человеческого спасения, история человеческих преступлений и божественных милостей. Человек стремится непрестанно удалиться от Бога, и Бог непрестанно призывает его к Себе. Бог выделяет из среды человечества один наиболее надежный род Авраамов для хранения божественной истины, дает закон, посылает пророков, наконец посылает своего единокровного сына, человечеству подаются дары Духа Святого. Так представляем мы основные моменты мировой истории: творение, падение, и искупление. Вместе с этим мы думаем, что, мы владем и подробностями этой истории в богодухновенных повествованиях Библии. С нашей точки зрения история человечества есть собственно история

церкви. Все, что было светлого и доброго на земле, стремилось подниматься к небу, к Богу и ко всему, в чем только теплилась искра добра и света, нисходил Бог, из этих двух совместных процессов – восхождения конечного и нисхождения бесконечного и слагается все то, что есть светлого в истории человечества. Мы представляем себе, что бытие человечества имеет цель, что эта цель – в Боге, и что история человечества должна быть рассматриваема с точки зрения этой цели – воплощения Логоса в человечестве. Современная историческая наука рисует и рассматривает судьбы человечества совершенно иным образом.

Из темного и неизвестного состояния человечество направляется к знанию и свету. Историческому состоянию человечества предшествовал долгий и темный доисторический период. Человечество раздробилось на резко различающиеся между собой расы, образовались разнообразнейшие языки, формы общежития сменялись и дифференцировались, а люди все еще не предавали памяти и письму то, что переживали. За несколько тысячелетий до Р. Х. на берегах великих рек Нила и Тигра и Евфрата создались наконец государства и явились письмена, искусства, религии. Религии, как и искусства, всецело создание человека. Все народы имеют их и при всем кажущемся разнообразии у всех народов они проходят некоторые весьма сходные фазы в своем развитии. Наиболее подробно по многим причинам изучены теперь религиозные судьбы еврейского народа. Их представляют таким образом. Евреи – южная ветвь северных семитов. Как и все народы, они начали свою религиозную жизнь с натурализма, анимизма, фетишизма, идололатрии и политеизма. У людей в древнейшую эпоху, говорят, никаким образом не могло быть монотеистических представлений, потому что у них безусловно не было даже мысли о единстве существующего. Евреи в древнейшее время почитали священные камни (*matsébach*). Таким священным камнем стал для Иакова тот, который служил ему изголовьем, когда он увидел свой чудесный сон. Иаков полил камень маслом, совершил на нем возлияние и назвал его Вефиль – дом Божий. Камень – место обитания Божества. Теперь высказывают предположение, что в ковчеге помещались священные камни – метеориты, из чего и возникло сказание о двух каменных скрижалях, на которых были написаны божественные заповеди. Почитали евреи священные деревья (все равно как в глубокой древности греки почитали Додонский дуб). На это указывает сказание о древе жизни в раю, на это указывают названия некоторых деревьев, начинающиеся с *êl* (Бог). Почитались священные источники, вода которых называлась водой живой (Быт. 24:19; Лев. 14:3, 50; Песн. песн. 4:15), и в позднейшую эпоху

церемония очищения прокаженных соединялась с обрядом закалывания жертвенной птицы над живой водой. Почитались у евреев высоты (bamoth). Все это равно почиталось и у других хананейских народов. Все они думали и верили, что в почитаемых ими местах и предметах живет Божество. Культ мертвых и предков распространенный у всех некультурных, а частью и культурных рас был распространен и у евреев. Так Самуил, вызванный из гроба Аэндорской волшебницей для Саула, называется ей *êlohim* (богом). Существование культа мертвых у евреев усматривают еще из того, что гробы наиболее почитаемых предков находились у них в самых важнейших местах их религиозного культа. Так, в Хевроне был гроб Авраама, Сарры и Иакова. Около Вефиля под священным дубом была погребена Девора, кормилица Ревеки, в Кадесе – Мариам, сестра Моисея, в Сихеме находились кости Иосифа, Офра служила погребальницей для семейства Гедеона; останкам дочери Иеффая ежегодно оказывалось четырехдневное религиозное чествование. Наконец, евреи имели идолов. Об этом говорят терафимы Рахили и терафимы Мелхолы. Человеческие жертвы (жертвоприношение Авраама, разрушение Самуилом Агага перед Господом, жертвоприношение дочери Иеффая), натуралистические праздники (праздник пасхи – агнец с горькими травами) вообще все, что было у древних окрестных народов, находят и у евреев. Но постепенно у евреев над почитаемыми ими божественными существами начал возвышаться один Бог – Иегова. Первоначально, полагают, Иегова имел характер божества натуралистического. Его представляют являющимся Моисею в огненном пламени и в горящем кусте. При странствованиях евреев по пустыне Он открывается им днем, как столп облачный; ночью, как столп огненный. На Синае – месте Его обитания, он является среди громов, огней, облаков и дыма. Вся гора была, как раскаленная и как потрясаемая печь. Бог назывался огнем подающим. Сначала Иегова мыслился как единый Бог евреев, но вовсе не как единственный Бог вселенной. К этому последнему монотеистическому представлению евреи окончательно пришли уже в эпоху пророков, которые установили единство Божества и Его этический (вместо прежнего натуралистического) характер. Эпоха пророков была эпохой религиозного расцвета Израиля, никогда впоследствии он не поднимался до таких возвышенных и благородных представлений о божестве и универсальных воззрений на человечество, как во дни Исаии, Иеремии, неизвестного пророка, которым написана последняя часть книги Исаии, и др. Неблагоприятные политические условия последившего времени сделали то, что евреи впоследствии замкнулись в своем

национальном эгоизме и своей национальной обособленности, они создали закон, связав его с именем Моисея – закон узко национальный, в котором на место универсализма стал иудаизм и на место требования милости и послушания стали жертвы и тук овнов. Но не все захотели понести это неудобноносимое иго закона. В Израиле образовались секты: фарисеев, саддукеев, ессеев и терапевтов, из которых одни стремились усилить значение буквы, другие заботились о духе. Неизвестно, каким образом, исторически может быть даже и не связанным с последними учениями, явилось учение Иисуса о поклонении Богу в духе и истине, о любви к ближнему, о том, что все люди наши ближние и о том, что должно прощать обижающих, а не преследовать их. Семена этого возвышенного учения, брошенные на палестинскую почву, быстро были разнесены по всему миру. История его возникновения и распространения, вообще история христианства в первый век христианской эры считается темной и неизвестной. Начиная со второго века, христианство развивается уже при свете истории. Происходит постепенная амальгама этической доктрины Иисуса с религиозными учениями востока и философскими запада. Первые опыты такого соединения оказываются преждевременными и неудачными и отвергаются общехристианским сознанием, как гностические ереси, но потом процесс слияния начинает совершаться. В христианстве является учение о Логосе, заимствованное из александрийской философии, мировая душа платонизма преобразуется в личный Св. Дух, языческие мистерии изменяются в христианские таинства. Статуи и изображения языческих богов создают христианскую скульптуру и христианскую иконографию. Вместо языческих жрецов явилась христианская иерархия, и на место pontifex maximus в Риме явился папа. Вступившее в союз с языческой религией и философией христианство, далее, вступает в союз с правительством, к прежним заимствованиям из чуждых учений, заимствованиям совершившимся бессознательно, присоединились сознательные компромиссы с требованиями власти, христианское учение осложняется, и в христианстве происходят разделения.

Относительно того источника религии, которым в представлении религиозных судеб человечества верующие руководились в течение тысячелетий, относительно Библии наука утверждает, что её происхождение было совершенно иным, чем представляет это верующее сознание, и что её содержание в значительной степени заслуживает очень небольшого доверия. Христиане привыкли думать, что в Библии древнейшая часть первые пять книг (Бытие, Исход, Левит, Числа,

Второзаконие), что все содержание их безусловно истинно, и что они написаны Моисеем. Все это, говорят, совершенно ошибочно. Эти книги составлены из разнообразных древнейших записей путем спайки и переработки многими лицами и окончательную свою редакцию получили к очень позднему времени. В них, полагают, ясно можно различать иеговистический источник IX столетия до Р. Х. и элогистический источник VIII века (написан в пророческом стиле, нравственные увещания, мессианские надежды), священнический кодекс (книга Левит, написана между X и V веками, в окончательно отредактированном виде принесен Ездрой в 458 г.), Второзаконие (при первосвященнике Хелкии в 622 г. до Р. Х.). Первоначально эти книги никто не считал Моисеевыми, но так как с именем Моисея издревле связывалось представление о законодателе, то в синагогах при чтении писаний постепенно выработывался обычай предварять чтения священного отрывка словами: «Моисей пишет, Моисей говорит», хотя бы дело шло даже о погребении Моисея, о котором он не мог ни писать, ни говорить. В христианской литературе бл. Иероним первый назвал пять первых книг Библии – Моисеевыми, и затем вскоре это мнение приобрело значение догмата. На самом деле, литература евреев, говорят, не восходит к эпохе более древней, чем время судей. Сначала эта литература, как и у всех народов, была исключительно поэзией. В песне Деворы, победившей Варака, видят образчик этой древней поэзии. Были какие-то книга песен и книга браней господних, но они не сохранились до нашего времени. Характерный и древнейший памятник еврейской литературы, это первоначальный декалог (Исход, 34:10 – 27), в котором формулируется сущность завета Иеговы с Израилем. Израилю приказывается не вступать в союз с хананеями, не иметь общения с ними в жертвах, не заключать с ними браков, далее запрещается делание богов литых, запрещается варить козленка в молоке его матери, все первородное предписывается посвящать Богу, повелевается соблюдать субботу, и праздновать праздник опресноков, праздник начатков жатвы и т. д. Около времени возникновения древнейшего декалога писал иеговист, затем явился декалог классический и произведения элогиста. Затем, писания пророков. Древнейшие: Амоса, Осии, Исаии (первые XXXIX глав не в полном составе), Михея. За ними следуют Софония, Иеремия, Наум, Аввакум. В эпоху вавилонского плена писал Иезекиль. В это время в первый раз было сделано собрание священных книг, начиная с книги бытия и кончая четвертой книгой царств, за исключением священнического кодекса и некоторых других текстов, составленных позднее. В конце вавилонского плена, когда уже

начал свое завоевательное движение Кир, писал анонимный пророк, пророчества которого соединили потом с пророчествами Исаии, но деятельность пр. Исаии падает на время Езекии (VIII в. до Р. Х.), а последние XXVII глав книги пр. Исаии написаны по поводу событий, происходивших в последнюю половину VI века. После эпохи Ездры и Неемии являются книги Руфь, Ионы, пророчества Иоиля, составляются хроники или Паралипоменон. Возникает особый род литературы – учение премудрости. В этом духе и в это время написаны притчи, премудрость Сираха, книга Иова, Экклезиаст, позднее – премудрость Соломона. В Маккавейскую эпоху делается собрание псалмов (большой частью после пленного происхождения), и была написана Песнь Песней. Тяжелые политические обстоятельства создали тогда апокалипсическую литературу, т. е. литературу, в которой события описываются и подаются утешения под условными образами. В таком духе написана книга пр. Данила (составлена между 167 – 165 гг. до Р. Х.). Таково происхождение нашей ветхозаветной Библии. Новый завет, говорят, написан в конце I-ого и первой половине XI-ого века. Большая часть авторов считаются неизвестными. Только некоторые послания ап. Павла (к римлянам за исключением двух последних глав, к коринфянам, к галатам) считаются несомненно подлинными, но в общем имена авторов новозаветных писаний псевдонимы. Подозрения их подлинности одновременны с их появлением. Так, Маркион уже в половине II века признавал, что в посланиях ал. Павла допущена широкая фальсификация. Об авторе послания к евреям с самых первых веков велись горячие споры, и эти споры разрешились не в пользу принадлежности послания ап. Павлу. О синоптических евангелиях полагают, что они написаны после разрушения Иерусалима, ибо в них описывается это разрушение, значит, они написаны лет через пятьдесят после смерти основателя христианства. Евангелие Иоанна, полагают, написано позднее и под влиянием александрийской философии. Книгу деяний считают составленной из различных документов, которые соединены вместе, конец книги утерян. Соборные послания все неподлинны, последнее из них так называемое послание Иуды явилось не ранее 125 года. В эпоху образования новозаветного канона имела широкое распространение анонимная литература, для придания авторитета тем или другим положениям послания или книги называли автором послания или книги – апостола, вообще лицо авторитетное. Это эпоха характеризовалась еще надеждой, что второе пришествие Христово имеет быть очень скоро, и этой надеждой проникнуты многие послания. Этой надеждой проникнут и апокалипсис –

произведение неизвестного автора (может быть пресвитера Иоанна) совершенно аналогичное книге пр. Данила.

Изучение содержания, как ветхозаветных, так и новозаветных писаний, показывает, что они заключают в себе многочисленные противоречия, несогласованность, грубые ошибки, они вообще носят на себе ту же печать, как и произведения других народов, в них обнаруживается широкий полет фантазии, в них раскрываются героические представления юного народа, слышатся несбыточные мечты, видно наивное представление действительности. Особенность библейских книг в сравнении с другими произведениями древности заключается в том, что рука позднейших редакторов пыталась сгладить и ослабить в них противоречия различных мест и сообщить содержанию их более возвышенный и более духовный характер. Так поступали редакторы, так поступали и переводчики, перевод LXX, говорят, одухотворил образ Бога Израилева, который в еврейском подлиннике представляется очень чувственно и очень человекообразно.

Христианское учение, полагают, относится к учению Библии так, как учение браманов относится к ведам. Многие гимны вед явились ранее, чем у индусов создалось представление Бога Браммы, и, однако браманисты пытаются представить, что веды во всем их объеме и во всех частях говорят о Бrame. Так, говорят, христиане поступают с Библией. Для получения из Св. Писания всего того, что получить из него было желательно, что на самом деле в нем не заключалось или даже прямо им отвергалось, к писанию прибавили предание. К теории писаного Слова Божия присоединилась теория Слова Божия неписаного – устного. Исторически христианство создалось не на развалинах только еврейства, но на развалинах философских и религиозных учений всего древнего мира. Теория неписаного Слова Божия делала весьма удобным внесение в христианство новых и чуждых элементов. Неоплатоники, переходившие в христианство, переносили в него почти всю свою систему. Это в значительной мере, говорят, случилось с блаженным Августином. Римские юристы вносили в христианскую догматику термины и понятия римского права. Это приписывают Тертуллиану. Так, в течение первого тысячелетия христианской эры создалась христианская догматика не как раскрытие высших истин и божественных определений о человеке, а как результат взаимодействия самых различных религиозных и философских концепций при самых различных исторических условиях.

В представлении исторического процесса религия, оказывающаяся в несогласии с историческими науками, вступает в несогласие и

противоречие с науками историко-философскими и философскими. Дело в том, что религия придает в истории важное значение таким факторам, которые с точки зрения философии безусловно в ней отсутствуют и совсем не существуют. Таково учение о свободе воли. Религия провозглашает человека существом свободным. Свобода воли – термин не совсем точный. Воля есть способность желаний, стремлений. Свобода есть способность решаться на действия независимо от силы мотивов. Философы различно определяют термин «свобода», но в обычном и непосредственном его понимании не существует разногласий. Способность человеческой свободы представляют таким образом. В душе человека постоянно толпятся различные мысли, чувствования, желания. Последние не представляют собой чего-либо самостоятельного, они суть нечто выводное из того, что имеется сейчас в наличности и разума и чувства. За мыслями, чувствованиями и желаниями стоит способность решаться на деятельность, способность санкционировать то или другое из имеющихся желаний или намерений, желания же могут простирались и на мысли, и на чувствования. Я могу желать. удалить из своей главы те или другие мысли, подавить в своем сердце те или другие чувствования. Способность выбирать для осуществления из толпящихся в душе желаний одни какие-либо и подавлять другие и есть присущая человеку свобода воли, она имеет для себя причину в человеческом «Я» и ни в чем более. Сам акт свободного выбора таков. В уме имеются представления возможных действий a, b, c, d, e, f, воля желает действий h, g, i, k, l. Свободное самоопределение решает произвести какое-либо действие d, с которым в душе вовсе не было связано желание его осуществления. Вообще, у человека есть идея долга (сознание, что он должен действовать таким-то образом независимо от личных выгод) и стремление к приятному, к тому, что доставляет наслаждение его чувственной природе, его сердцу, его уму, все равно. Человеку таким образом часто, почти постоянно, приходится выбирать между должным и приятным, ибо в теперешнем греховном состоянии человека должное и приятное обыкновенно не совпадают. Об этом говорит апостол: «по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим: но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7: 22 – 23). Свобода выбора у человека неограничена, ибо он сам существо ограниченное, ограничена она способностью желаний и способностью действовать. Затем, действия человека несомненно подчинены некоторому закону, по которому им свойственно однообразие, и человеку всегда присущ тот или другой

характер. Но хотя свобода человека признается очень ограниченной, религия решительно утверждает факт её существования. Признавая человека творением Божиим, религия в тоже время утверждает, что человек есть и сам собственный творец, содержание собственной нравственной личности он создает путем собственных усилий. На признании в человеке такой творческой силы зиждется нравственная ответственность человека, на нем утверждается завет Божий с человеком, возможность для человека вступления в царствие Божие, которое силой берется и употребляющие усилие восхищают его.

Философия отрицает свободу воли. Свобода воли, говорят философы, стоит в противоречии с законом причинности. Всякое явление имеет свою причину. Сущность тезиса заключается в следующем. Всякое явление, которое нам кажется возникающим вновь, в сущности существовало всегда. Поясним этот тезис примером. В телескоп мы можем рассмотреть на небе туманность Андромеды. Она имеет определенную форму, она, по представлению астрономов есть скопление пылеобразных и вообще разреженных частиц, удерживаемых силой тяготения в определенных взаимоотношениях. Атомы, из которых состоят эти частицы и эта туманность, существовали от вечности, от вечности они обладали известными свойствами и известным запасом движения и двигались неизменно по прямому направлению. Столкновения, притяжения изменяли их путь, изменяли их взаимоотношение, таким образом, изменяли картину и форму мира, но не изменяли его содержания. В мире существует бесчисленное количество атомов, рассеянных на неизмеримом пространстве, но сущность явлений, происходящих в мире та же, как если бы в пространстве одного кубического метра было заключено два десятка атомов. Представим себе куб, сторона которого равна одному метру, куб, имеет восемь трехгранных углов и двенадцать ребер, положим в вершине каждого угла и по середине каждого ребра помещено по атому и им сообщено движение внутрь куба, положим, что они обладают силой взаимного притяжения и отталкивания, обозначим на расстоянии единицы силу притяжения через a , силу отталкивания через b , притяжение обратно пропорционально квадрату расстояния, закон действия отталкивания неизвестен (не все и признают отталкивание изначальным свойством, но наш пример схематический или условный, цифры, величины и отношения могут быть другими, для нас важно только, что бесспорен и несомнен факт функциональной и безусловной взаимной зависимости этих величин и отношений). Зная скорости атомов и их взаимодействие, мы можем вычислить, что случится с взаимоотношением

этих атомов через миллионы лет. Закон причинности заключается в том, что всякое последующее есть математический результат предыдущего. $2+3=5$. Но в математике результат (сумма, произведение) уже дан в слагаемых или множителях, он уже существует; так и по закону причинности все то, что будет существовать, уже существует, ибо в результате, в то и сумме, которую представляет собой мир, не может быть больше того, что есть в слагаемых, в тех элементах, из которых этот мир образован. Это считают безусловно справедливым как по отношению к физическому, так и психическому миру. Только психический мир более сложен и менее изучен. Но в сущности весь процесс мировой жизни может быть выражен алгебраическим уравнением. Обозначим пространство через V , его элементы через $l, l_1, l_2; h, h_1, h_2; v, v_1, v_2$ (элементы одного, двух и трех измерений), время через T и его элементы через t, t_1, t_2 , материю через M и её элементы через m, m_1, m_2 , движение через D и его элементы через d, d_1, d_2 , и т. д. Эти четыре рода величин, взаимоотношение которых определяется очень простыми законами (формулы всех открытых законов очень несложные), и представляют собой весь физический мир. Психические явления еще не разложены на первоначальные, их образующие элементы. Но в некоторых отдельных случаях установлено их взаимоотношение с физическими или физиологическими актами (ощущение есть логарифм раздражения), их отношение к времени и пространству, в некоторых случаях сложные психические акты разложены на простейшие. И здесь царствует закон единообразия отношений. Между элементами психических актов существует связь необходимости. Утверждаясь на этих основаниях, философия заключает, что наше представление самих себя свободными есть – иллюзия. Независимо от соображений, опирающихся на данные психологи и положительных наук, философия утверждает далее, что этот характер иллюзии представлению свободы должен быть приписан a priori, ибо изучение действительности, изучение физического мира и человеческой истории может утверждаться только на признании безусловной и всеобщей значимости принципа причинности. Но если этот принцип играет действительно такую значимость, какую придает ему философия, то тогда, очевидно, религиозные требования от человека самостоятельности, имеющие своим источником иллюзию, не могут быть признаны разумными. Новейшая философия не отрицает этики, не проповедует безнравственности, но она утверждает, что процесс нравственного развития в человечестве совершается по некоторым законам необходимости, а не есть свободное самосознание человечества. Есть в

мире некоторые законы, такие же суровые и необходимые, как и закон тяготения, по которым действует человек. Стоики уже до Р. Х. отрицали свободу воли и были строгими детерминистами. У Зенона, главы стоической школы, его раб – заметно хорошо усвоивший учение своего господина, украл некоторые вещи. Зенон, уличив его в воровстве, стал бить его палкой. Раб тогда сказал: – «мне суждено воровать», на это Зенон ответил: – «а мне суждено бить тебя за это палкой». Таким образом, если по закону необходимости совершаются преступления, то по закону необходимости постигнет и возмездие за эти преступления. Эти и подобные законы производят то, что мы называем нравственностью, может возвышаться или понижаться в человеческом роде, в людях может вырабатываться благородная или низкая настроенность. Но сами люди здесь не причем, они только материал, над которым действуют, и орудия, при помощи которых действуют закон судьбы.

Принцип причинности отрицает собой идею цели. Количество вещества, движения, психической энергии и пространство, и время остаются неизменными. Принцип причинности состоит, собственно, в отрицании происхождения, в утверждении, что все существующее существовало всегда только под иными формами и будет существовать вечно. Жизнь вселенной представляет вечный круговорот, но если так, то не может быть речи, о цели существования человечества и не может быть речи о средствах для достижения этой цели. «Цели нет передо мной», сказал русский поэт, и новейшие философы, как и философы старого времени, посвящают громадные трактаты доказательству этого тезиса. Религия намечает человечеству, как цель, новое небо и новую землю, дает указания и повеления, как идти к этой цели, и утверждает, что всеблагое провидение непрестанно содействует человеку и поддерживает его в этих его возвышенных стремлениях. Религия утверждает факт существования промысла. Человек, как существо свободное, может не только идти к указываемой ему цели, но может идти и от неё. Такие возвратные движения с его стороны, удаление от лица Божия, оставление земли обетованной ради «страны далече» влекут расстройство мирового порядка и Промысел непрестанно сверхъестественным образом исправляет этот расстраивающийся порядок, Премудрая и Высочайшая свободная Воля Божества непрестанно исправляет печальные последствия неразумного употребления свободы ограниченными существами. Философия отрицает это утешительное учение. В мире нет целей, нет свободы, следовательно, нет и не может быть никакого промысла. Образ Божества, промышленного и пекущегося о человечестве, представляется

современным философам наивным и детским. Корень и источник этого учения видят в наклонности человека истолковывать все существующее по аналогии с собой. Человек заботится о своей семье, о своем хозяйстве, он удаляет от своих детей злые влияния, поправляет расстраивающийся хозяйственный инвентарь, заботится о своих садах и животных. Расширяя этот свой узкий мирок, он представляет, что мир – это хозяйство Божие, что в нем тоже все клонится к упадку и расстройству, и что Бог, хозяин вселенной, непрестанно противоборствует тенденции мира к падению. Такое представление о мире и Боге философия отрицает в лице большинства своих представителей решительным образом. В мире все течет по неизменным и вечным законам и над миром нельзя себе представить никакого премирного Владыки. В мире все связано связью необходимости. Идея причинности отрицает возможность свободных отношений, отрицает возможность существования Бога вне мира и над миром. Все существующее есть одно целое, и поэтому если есть нечто, что должно быть названо Богом, то это нечто имманентно миру. Если говорят, что Бог есть причина мира, то, ведь, причина неотделима от следствия, и мир таким образом неизбежно должен выходить из Бога, и причина далее уже не может влиять на свое следствие, как вчерашнее состояние погоды, раз сказавшись на её нынешнем состоянии, не может уже вносить в атмосферу никаких новых изменений и являться свободным фактором. В представлении свободно действующего Бога, вообще говоря, заключается масса противоречий. Если есть абсолютно совершенное Существо, то и Его действия должны быть абсолютно совершенны, но абсолютно совершенный образ действий может быть только один. Здесь не может быть множественности выбора, следовательно, здесь нет места и свободы. В представлении Божества личным человекообразным существом, поправляющим мировые неполадки тоже, говорят, заключается много противоречивого. Личность всегда ограничена. «Я» непременно предполагает собой «не Я»; мыслить себя, как «Я», значит мыслить границы своего существа. Личное Божество, это – безграничность, заключенная в границах, это, следовательно, нечто невозможное. Отсюда философия делает вывод, что нет того Бога, Которого мыслит христианское сознание, присутствие Которого близ себя ощущает верующая совесть, к Которому живущее верой человечество ежедневно обращается с благодарениями и с молитвами о своих нуждах. Такого Бога нет, и никакого Бога не в силах представить себе ограниченный человеческий разум. Никто не промышляет о мире и человеке и ни к какой цели не направляется человечество.

Таковы положения современной философии, они безусловно противоречат тому образу мыслей, чувствований и действия, которые можно назвать общечеловеческими. Но философия расходится с христианской религией, но только в конечных выводах и результатах, она безусловно отрицает те начала, на которых утверждается религия и исходит из отрицания этих начал. Религия утверждается на авторитете, человеку говорят: написанное в Библии есть божественное откровение, и ты обязан верить, что это – истина, хотя бы это казалось тебе соблазнительным, странным, нелепым. Религия полагает табу (запрещение) на многие предметы исследования и своими ответами о происхождении сущности мироздания она заграждает человеку путь к самой возможности исследования. Человек спрашивает себя, как произошли альпийские горы? Он видит, что в них происходят изменения; он подметил, что расположение их подчинено некоторому закону, его уму преподносится мысль о возможности объяснения, как земля образовала эти грандиозные складки. Может быть совершенно подобно тому, как образуются складки на воздушном шаре, содержимое которого уменьшилось. В земной коре, содержимое которой вследствие охлаждения уменьшается в объеме, точно также образуются складки, т. е. горы, как в полотне шара. Натуралист занятый этой мыслью исследует, изучает горные цепи. Он хочет поделиться своими наблюдениями и выводами с богословом, излагает свои догадки о далеком прошлом нашей земли, о том, как зародились и поднимались могучие альпийские кряжи. Но богослов уже имеет непоколебимое учение о происхождении Альп: «той рече и быша», он не хочет знать никакой истории, никакого процесса, никакой науки. Философы не могут примириться с этой фаталистической покорностью незнания. Они ищут знания и признают безграничную свободу исследования, они отвергают всякое табу, не хотят рабства веры, они хотят только свободы знания. Человеческий разум есть для них высший авторитет, который принимает и отвергает учения. Его авторитет обязателен и только его одного. И этот разум, мы видим, привел человека к отрицанию веры, промысла, человеческой свободы, на место священной истории этот разум поставил историю естественную, он осветил мировым светом и указал нам в нем новое место.

Этот разум назвал себя наукой и противопоставил себя вере,веряющейся не науке, а религии. «Духовное рабство, невежество, обскурантизм», вот какие слова наука часто ставит рядом с словом «религия», и не без сожаления люди этой науки смотрят на людей веры.

Вот, положение дела в настоящее время. На обязанности людей науки

лежит довести путем доказательств и разъяснений истинность своих тезисов до такой очевидности, чтобы люди религиозной веры сознали несостоятельность своих верований и перешли под знамя не знающей никаких богов науки. Пусть они трудятся над этим! Мы искренне желаем, чтобы они как можно более старательно поработали над выяснением и обоснованием своих доктрин. Почему так? Может быть спросят нас. Потому что мы убеждены непоколебимо, что их выводы – грубое и вредное заблуждение, и что если они будут заниматься тщательно и усердно их разработкой, они в конце концов сами убедятся, что то, к чему они призывали все человечество, как к новой истине, было только жалкой и пустой химерой. Мы верим, что их попытки разработать свое учение будут работой саморазрушения. Судьба всех ошибочных и ложных учений такова, что они погибают по мере того, как развиваются. Правильно сделанные выводы из ложных положений приводят *ad absurdum* и разрушают свод основания. Такова наша вера. Но эта вера не может слагать с нас обязанности бороться с заблуждениями. Нет, во всяком случае в том факте, что есть атеизм, что существует безбожие, несомненно, виновны не одни только атеисты, не одни безбожники. Виновны также и те, которые, владея религиозной истиной, не заботились о том, чтобы показать другим, что она – истина. Показывать и выяснять это нужно жизнью и словом. Конечно, жизненный пример несравненно могущественнее самой ученой книги, скромный и не книжный святой обратит к Богу несравненно больше людей, чем самый талантливый ученый. Однако нужен не только пример, но и слово. Между современными неверующими мыслителями и христианской религией стоят *idola* логического характера, стоят, по представлению ученых, научные факты, на самом деле – научное обсуждение фактов. Устранять эти *idola* должно путем научного исследования, путем рассуждений, т. е. при помощи того же оружия, которое употребляют враги. Самое лучшее средство для разоблачения заблуждений – это выяснение причин их возникновения. Постараемся не упускать этого из вида при дальнейшем рассуждении.

Глава III

Как около религии всегда ютятся нежелательные приросты – суеверия, заблуждения; так и около того зерна истины, которое постепенно растет, как результат научных изысканий, всегда бывает много шелухи – ошибочных гипотез, преждевременных обобщений. Трудно избежать их, но нужно стараться избегать их по возможности. Подобные заблуждения часто бывают для веры камнем преткновения и соблазна, однако, мне думается, что корень зла и принцип разделения кроется не в них, не научные изыскания – естественноисторические, исторические и историко-философские – отталкивают человека от религии, нет, есть некоторый *rigus*, который отводит его от неё и для которого в науке пытаются искать опоры уже после того, как вопрос об истинности религии бесповоротно решен отрицательным образом. Многие писали и пишут доселе, что человек отрицает религиозную истину во имя нравственных побуждений. Нравственные люди исповедуют религию и безнравственные отрицают ее. Такое объяснение, без сомнения, лестно для самолюбия религиозных людей, но, будучи лестным, оно часто оказывается неправильным. На эшафоте погибало и на каторге работает множество людей, которые искренно веруют в Бога и преступления которых ужасны. Ведь, и дьявол верует и трепещет. Наоборот, не встречались ли каждому из нас люди, которым мы могли довериться вполне и на слово которых мы могли вполне рассчитывать, и, однако религиозные убеждения этих людей были очень сомнительны, чего они и вовсе не думали скрывать. Служение лжи и злу может соединяться с твердым убеждением и непоколебимой верой в существование высшей правды, и наоборот, сомнение в существование высшей правды иногда может закрадываться в сердце человека, который сам был бы очень не прочь честно служить ей.

Отчего это так? Отчего один не имеет веры, хотя и имеет в себе по-видимому образ Божий, другой имеет веру, хотя живет вопреки её основным требованиям? В некоторой мере, думаем, можно дать ответ на этот вопрос. Что такое вера? Полагаем, ее можно определить так – вера есть знание внутреннего опыта. Вера не есть знание выводное, как знание научное, она есть знание непосредственное. Молясь Богу, человек ощущает в себе Его воздействие. В своей жизни, на себе человек испытал силу, воздействующую на него через церковь в таинствах, преподаваемых ему церковью, в её обрядах и отсюда он получил непоколебимое заверение, что православная церковь есть истина. Он воспринял в себя эту

истину, он ощутил ее в себе непосредственно. Пусть он не знает подробностей православного учения, не умеет перечислить вселенских соборов и на вопрос, сколько книг священного писания, отвечает так, как ответил на нашей памяти один ученик низшей школы: бесчисленное множество. Пусть все это так. Но святость этих книг, спасительность определений вселенских соборов он может чувствовать сильнее и глубже чем самый ученый богослов. Шлейермахер сказал: религиозен не тот, кто верит в священные книги, а тот, кто если бы явилась нужда, мог сам бы написать таковые. Шлейермахер не прав. Религиозный человек может и не уметь писать. Я думаю, что религиозен тот, кто чувствует святость священных книг. Чувствует святость их тот, для кого эти книги являются действительно проводником благодати. Образное выражение, что «из священного писания льются струи благодатного учения» представляет собой описание того факта, что из св. писания при его чтении исходит сила очищающая, освящающая и возвышающая сердце человека. В вере истина непосредственно воспринимается человеческим духом, вера есть непосредственное знание, она есть ведение и, как таковая, вера и может и должна иметь гораздо большую твердость, чем знание. Относительно точности и правильности наших познаний у нас постоянно должны возникать законные сомнения: правильно ли были произведены наблюдения, точен ли опыт, не допустили ли мы каких-либо промахов и ошибок в нашем рассуждении? Может быть от нашего внимания ускользнули некоторые стороны вопроса, и в результате у нас явилась ложь вместо истины. История математики показывает нам, что некоторые неверные теоремы (о площадях в древнем Египте о логарифмах отрицательных величин в новейшее время, о возможности решения уравнений выше четвертой степени и т. д.) держались и считались истинными в течении долгого времени. Это – в области наименее сложной из наук и притом такой, где выводы, получаемые путем дедуктивным, обыкновенно можно проверят путем опытным. И там оказываются возможными подобные заблуждения. Понятно, что в вопросах более сложных область заблуждений должна быть шире и сильнее. Отсюда непосредственное или опосредствованное знание, т. е. знание, приобретаемое путем наблюдений и умозаключений не может представляться в наших глазах имеющим непоколебимую твердость и истинность. В области веры нет таких, могущих ввести в заблуждение посредствующих элементов – обманывающих чувств, ошибочно умозаключающего рассудка. Божественная сила непосредственно воспринимается верующим духом, и сама подает ему своим воздействием

заверение в своей абсолютной истинности. Апостол определяет веру так: «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). В видимом нельзя быть твердо уверенным, верить можно только в невидимое. Только на Бога можно возлагать непоколебимое упование, нельзя безусловно полагаться ни на людей, ни на свои силы, ни на свои средства. На Навуходоносора без сомнения полагались многие, и он крепко верил в свои силы, но он сошел с ума и не мог пользоваться теми средствами, которыми располагал, не мог служить не только другим, но и себе. Верить можно только в высшее, только в невидимое, потому что, видимое изменчиво, непостоянно, несовершенно. Если мы говорим, что мы верим в таких-то людей, в светлое будущее такого-то народа, то ни мы сами не выдаем и другие не принимают нашей веры за имеющее непременно, осуществиться пророчество. Все может оказаться совсем не таким, как предполагала наша вера.

Так как религиозная вера по нашему определению есть непосредственное знание, знание непосредственного опыта, то, следовательно, она предполагает собой непосредственное воздействие Божественной силы на человека. Этим объясняется, что человек не может сам поверить, если и захочет, но может только стремиться к тому, чтобы поверить. Из этого мы можем понять и тот факт, что вера иногда не совпадает с нравственными качествами людей. Христианские дети получают веру со св. крещением и эту веру они сохраняют иногда, несмотря на все невзгоды жизни, на все свои падения. Иногда эта вера у них очень рано исчезает под воздействием неблагоприятных антирелигиозных условий. На западе, например, во Франции некоторым даже и в детстве не приходится иметь радостей подаваемых религиозной верой. Там принадлежность к религии необязательна и родители, говорят, что не желают стеснять религиозной совести своих детей, а на самом деле потому что сами не имеют никакой религии, не дают своим детям никакого религиозного воспитания и предоставляют самим по достижении зрелого возраста избрать религию. Но как бы ни было, вследствие каких бы обстоятельств человек не оказался не имеющим веры, раз он её не имеет, то учение веры легко должно оказаться в радикальном противоречии со всем тем, что он имеет. В деле исследования действительности, в деле понимания явлений он привык руководствоваться принципом, что все естественно, что всякое явление имеет свою причину, что строй мира, который он знает, есть всегдашний и всеобщий. Он привык жить этим мирозерцанием. Когда ему начинают излагать религиозное учение, он прежде всего видит несогласность его с

признаваемыми им принципами и со многим таким, чему он усвоил имя факта, и он отвергает религиозную веру, как грубую иллюзию, как обман и как тормоз свободного научного развития.

Обязанность верующих выяснить неверующим, что вера вовсе не есть тормоз свободного научного развития или что она настолько же является таким тормозом, насколько им является истина. Вера не стесняет исследования, но освещает его. Пример может разъяснить это. Положим, что я знаю с несомненностью, что в дали, в которую я всматриваюсь, стоит замок. Мне известна его архитектура, я знаю хорошо местность, в которой он расположен, но вот, картина, фон, которые рисуются моим глазам, оказываются не отвечающими моему знанию, несогласующимися с ним. Я знаю с несомненностью действительное положение замка, и поэтому я заключаю, что мои глаза ошибаются. Однако на основании этого заключения я должен не отвергать показание глаз, а исследовать причину ошибки, что доставляет моему зрению картину несогласную с действительностью. Как, в житейском опыте (туман может быть изменил очертания замка), так, в науке (вычисления, например, оказываются не согласующаяся с опытом), так и в отношениях науки и веры. Научные открытия оказываются стоящими в противоречии с истинами веры. Не нужно спешить отвергать эти открытия во имя веры, нет, их нужно исследовать. Нужно много и долго подумать, противоречат ли они вере действительно и не могут ли они быть с ней примирены в какой-либо высшей правде? Религиозная вера не табу и не тормоз, она есть непосредственная истина и поэтому она есть непогрешимый корректив знания, но дело в том, что мы можем погрешать в пользовании этим коррективом, можем смешивать с истиной свое понимание истины, которое может быть совершенно ошибочным и которое может заставить отвергнуть нас действительную истину. Это возможно. Но неверующие мыслители должны знать, что и в науке нередко истина отвергалась во имя заблуждения, которое ошибочно принимали за истину, во имя теории истечения в оптике долго отвергали теорию волнения; во имя предвзятого убеждения, что камни не могут падать с неба, долго отвергали факты их падения. Но теория волнения несомненно ближе к истине, чем теория истечения, не согласующаяся с фактами и теперь совсем отвергнутая. Камни, упавшие с неба, теперь можно видеть во всех минералогических музеях Европы. В этих случаях ложь, прокрававшаяся в науку, действительно была тормозом для развития последней. Но учение веры может служить тормозом только в научных изысканиях неверующего ученого. Положим человеку крепко верующему в Бога, многократно

чувствовавшему Его благодатную близость к себе, химик скажет, что мировое вещество вечно, и что, следовательно, нет Бога творца. Для нашего верующего лица несомненен факт, что химик заблуждается, но за всем тем вере этого лица, конечно, не представится преступным, а скорее самым разумным вместо того, чтобы голословно отвергать гипотезу химика, наперед исследовать и взвесить, что привело химика к его ложному предположению. Наш верующий мыслитель и станет исследовать доводы и соображения химика. Для неверующего же религия есть непременно тормоз. В своих попытках открыть истину он обращается ко всевозможным гипотезам. Ему говорят, что такие-то предположения его не могут быть допущены, ибо они противны религии. Он возмущается этим, говорит, что его стесняют, что может быть в а priori отвергаемых предположениях и заключается истина. Ученый верующий никогда не допустит этих предположений, потому что они стоят в противоречие с несомненными для него истинами, и он отвергает эти предположения все равно, как мы отвергаем предположение что $2 \times 2 = 5$. Вера есть авторитет только совершенно такой же, как и истина, но авторитет истины может стеснять только лжецов, задача свободного исследования состоит в том, чтобы найти истину и подчиниться ей. Счастлив человек, который уже в себе самом обрел высшую истину, она не может стеснять его, но своим светом будет освещать ему путь искания тех истин, которые здесь на земле ищет все человечество.

Вера не стесняет разума человека, как не стесняет и его совести, не стесняет дотол, пока он не уклонится от истины и добра. Но если он захочет уклониться от них, она обличит его. Назвать веру стесняющим началом можно лишь в той мере, в какой является для человека его совесть, удерживающая его от зла, или в какой мере стесняющим началом являются для человека последствия его ошибок. Медик решил своим разумом, что такое-то лекарство исцелит больного, он дал его больному и последний умер. Разве этот медик имеет право порицать законы природы за то, что они стесняют простор его воображения? Но вера не стесняет верующего даже и в этой мере, она делает для него умственно невозможным допущение положений несогласных с верой таким образом, если вера и есть узда или цепь для человека, бастилия человеческого духа, как называли некоторые религию, то нужно признать, что в умственной сфере человек не чувствует этой узды, она не тяготит его. Мы думаем, что неверующие мыслители должны понять и признать это, они могут только оказать что вера представляет собой невидимые путы, опутывающие человека, блуждающий огонек, мешающий ему видеть истинный свет, т. е.

что вера есть заблуждение.

В этом собственно и заключается весь вопрос, заблуждение она или нет. Говорят, вер много и, значит, по крайней мере, за исключением одной все они представляют собой заблуждение. Без сомнения, это верно, из всех религий только одна безусловно истина. Но самый факт существования вер ошибочных должен свидетельствовать в пользу существования веры истинной, как фальшивая монета доказывает факт существования подлинной. В области религиозной могут быть своего рода заблуждения, галлюцинации, но заметим, что никто, страдающий галлюцинациями зрения, не видал иных цветов кроме тех, которые существуют действительно, и никто из страдающих галлюцинациями слуха не слышал звуков, которые не были бы известны в музыке. Вот, почему религиозные разногласия не должны смущать верующего. Историческая всеобщность религиозной веры, вот отрадный факт, убеждающий в законности и необходимости веры; религиозные разногласия – печальный факт, свидетельствующий о нравственно нездоровом состоянии человеческого духа, он обязывает тщательно исследовать свою веру, своё упование. Мы должны стремиться путем наших изысканий установить, какие свойства и признаки имеет вера и каково ее происхождение? Верующий, опираясь на непосредственное сознание, говорит, что её корень – истина, и что она есть тяготение к истине. Неверующий говорит, что она есть персонификация собственной или внушенной нам другими фантазии. Вера есть убеждение. Какой источник этого убеждения? Когда и как оно возникло и что его поддерживает? Человек, говорят, потомок животных, по животные не боятся не темноты, ни привидений, животные – крайние реалисты. На какой же ступени своего развития отдаленный человеческий предок из реалиста стал идеалистом; вместо того, чтобы считаться с живыми врагами, стал почитать умерших друзей. И затем, почему, достигнув высших ступеней развития, он не оставляет веры в этот мир идеальный, напротив, чем выше он развивается, тем более в основу своего поведения он ставит принципы этого идеального мира. Если он отвергает веру в Бога и подчинение Богу, он требует, чтобы люди исполняли обязанности по отношению к отечеству, требует, чтобы люди преклонялись перед правдой и справедливостью. Почему так? В ряду различных предположений теория утверждающая, что это преклонение перед правдой не имеет для себя никакой санкции свыше, не находит себе отклика на нёбе; эта теория представляется наименее допустимой, как безусловно не имеющая для себя никакой опоры. На самом деле, допустив, что та теория мировой истории, которая теперь в мире мыслителей имеет

наибольший кредит и которая пользуется наибольшей популярностью – теория эволюции, верна. Согласно этой теории, в несколько миллионов лет или может быть даже в более короткий период из такого ничтожного, жалкого и беспомощного существа, как монера, вышел человек с его наукой, искусством, государственным устройством. Это – на земле. Но в безграничной вселенной существует множество миров, и процесс эволюции совершается на них в течении биллионов и биллионов лет. Могут ли существовать какие-либо сомнения, что этот процесс создал существа с несравненно высшей духовной природой, чем наша, существа, которые, может быть, имеют право трактовать также наши духовные способности, как мы трактуем червей или губок. Физическая природа этих существ может быть совершенно особенной. Мы не можем утверждать, что жизнь непременно должна быть заключена в твердожидком теле, может быть возможны газообразные организмы, может быть самое газообразное состояние материи не есть предельное, да в этом нельзя и сомневаться, может быть жизнь заключается в иных мирах в таких материальных формах, которые недоступны нашему зрению и не поддаются нашим органам исследования. Такие существа, высокоразвитые могут жить в мире, знать нашу судьбу, влиять на наше благополучие, и мы можем ничего не знать о них. Может быть на наши обращения к миру невидимому – Богу, ангелам, святым отвечают они, и потому наши мольбы не остаются бесплодными. Говорят, что в мире нет свободы, но ведь, те, которые говорят это, обращаются с просьбами к своим ближним, как будто те могут действовать свободно, и эти ближние исполняют их просьбы. За что же судить тех, которые обращаются с своими мольбами к существам более могущественным, чем люди? За что судить их веру и дела их веры? Наблюдение и размышление открывают нам, что в сущности люди и самые либеральные крайне консервативны. Они вообще склонны думать, что вся жизнь во вселенной ограничивается известной им областью и известными им формами жизни. Когда стало утверждаться мнение, что земля есть шар, мысль, что существуют антиподы, ученейшим людям казалась дикой и нелепой. Ученые Саламанки жестоко и грубо смеялись над проектом путешествия Колумба в новый свет. Не похожи ли все неверующие ученые на этих саламанских мудрецов? И не есть ли неверие в сущности грубая и узкая вера в то, что мы – центр и сущность вселенной, что нет ничего выше нашего разума, нет никаких других элементов кроме тех, которые знает наша химия, и никаких других форм жизни кроме тех, которые ведаёт наша биология. Но сами науки о природе, как физической, так и духовной, по мере того, как они развиваются, показывают, что те

рамки, в которые хотят заключить действительность, не годятся для неё, что разнообразие мировой жизни нельзя заключить ни в какие рамки человеческой схоластики, они сами как бы направляют мысль к тому, чтобы она перешагнула границы видимого и признала бытие иной высшей действительности.

Но, говорят неверующие, действительности во всяком случае не той, о которой грезить вера. Пусть человечество будет находить все новые и новые формы бытия и жизни, оно никогда не найдет Того Бога, Которого исповедуют верующие, никогда не встретится с действиями промысла и свободной воли, по тому что уже в самом методе исследования, которым руководится человечество в своих изысканиях, заключается отрицание возможности промысла и свободы. Человек в своих исследованиях исходит из идеи единообразного порядка в природе, идеи причинности и законности. Мы готовы согласиться с последними тезисами, но вот, что во всяком случае представляется несомненным: понятия «единообразный порядок», «причинность», «законность» далеко не выяснены, и потому у верующих может вполне сохраняться убеждение, что выяснение их может открыть, что они необходимо предполагают промысл и свободу; только с недавних пор гносеология – наука о познании – стала выступать на путь более или менее верный. Она должна нам выяснить, какими на самом деле принципами руководится человек в своих исследованиях, из каких постулатов он исходит. В своей личной деятельности и в своих отношениях к другим людям человек исходит из признания себя и других свободными. Он отлично понимает, что эта свобода не есть беспричинность, произвол; человек заранее рассчитывает, что на такое-то лицо он может повлиять и на такое-то нет, но причинность в свободных действиях он не отождествляет с необходимостью. Что такое причина? Издавна мы слышали выражение – причина равна своему следствию. Если бы это было верно, в мире не было бы никакой жизни, потому что раз следствие тождественно с причиной то значит, каждый последующий момент в мировой истории должен быть тождествен с предыдущему. Говорят, что причина есть неизменная последовательность, и что она открывается в безусловном единообразии порядка в природе. Но на самом деле нам в наших изысканиях нужна не безусловная, а условная неизменность законов природы. Все известные нам законы природы суть эмпирические формулы для данного места и времени. Всякий знакомый с оптикой знает, что математические формулы оптических стекол очень далеки от абсолютной точности, несовершенный человеческий глаз видит в действительности то, что предсказывается формулой, но глаз более

проницательный увидал бы вместо предсказанной точки линию, вместо прямолинейной поверхности криволинейную и т. д. Наиболее строгий математический характер признают за формулой закона тяготения. Остановимся несколько на этой формуле. Сила тяжести прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Если масса увеличится вдвое, говорит формула, вдвое увеличится притяжение и т. д., но чем в механике измеряется масса? Силой её притяжения, весом. Постараемся понять это. Кусок железа того же объема, как и вода, весит и притягивает почти в восемь раз (7,788) сильнее, чем вода (1). Какой смысл соединяется с утверждением, что он имеет массу в восемь раз большую, чем вода в том же объеме? Нам скажут, что есть некоторые первоатомы или некоторая первоматерия, из которых образованы и вода, и железо, что каждый первоатом обладает равной силой притяжения и что в железе в известном объеме этих первоатомов в восемь раз более, чем в воде, или что первоматерия сгущена в железе в восемь раз сильнее, чем в воде. Но такое рассуждение вызывает сильные возражения. Во-первых, оно стоит в противоречии с фактами теплоемкости. Согласно теории простых первоатомов или единой первоматерии следовало бы, что количество тепла нужное для нагревания тела должно быть прямо пропорционально его весу, и чтобы нагреть один кубический сантиметр железа нужно бы в восемь раз более тепла, чем для того, чтобы нагреть один кубический сантиметр воды, на самом деле оказывается, что для нагревания железа нужно тепла почти в семьдесят раз менее, чем для нагревания воды (теплоёмкость воды = 1; теплоемкость железа = 0,11379, это – теплоемкости равных весовых количеств; разделив 7,788 на 0,11379, мы получим объемную теплоемкость железа). Во-вторых, факты, представляемые спектральным анализом, открывают нам, что при температурах в тысячи градусов на небесных телах существуют те же элементы, что и на земле. Если бы предположение о первоатомах или первоматерии было справедливо, то они разложились бы на простейшие. Но если мы откинем теорию первоатомов или первоматерии, то учение о равенстве равно притягивающих масс в законе Ньютона явится совершенно непонятным звуком. В условной и ограниченной форме это учение понятно и практически и научно полезно, но как философское выражение мировой истины, оно не имеет никакого значения. Обратимся к другому положению закона: притяжение обратно пропорционально квадрату расстояния. Допустим, что сила притяжения частицы a на расстоянии равном единице равна f при прикосновении притягиваемого тела к притягивающей частице, когда расстояние будет равно нулю, чему

будет равна сила притяжения a ? И соображение и вычисление ($= \infty$) ответят нам, что бесконечности. Но если бы это было так, мир давно бы сплюснулся в не имеющий измерений атом. Этот печальный результат не постиг вселенную, очевидно, потому, что в закон Ньютона нужно внести какую-то поправку, какие-то дополнения, что справедливый для больших масс и больших расстояний он не выражает собой абсолютной законосообразности явлений во вселенной. Он не согласуется с фактами притяжения в величинах крайне малых (молекулярное притяжение) и может быть, этого мы еще не знаем с несомненностью – в величинах крайне больших. Не обнимает он собой частных видов притяжения – электромагнитных, химического сродства. И никакой закон, как и закон Ньютона, не имеет характера абсолютной всеобщности и абсолютной необходимости.

Так относительно мира физического у нас нет фактов доказывающих, что он представляет собой царство абсолютной необходимости, а относительно мира психического мы носим в своей душе на самом деле непоколебимое убеждение, что в нем царствует свобода. Со всяким психическим актом связывается свобода. Физическое выражение психических состояний есть движение. У человека есть мысль, что полагать начало движению может только одушевленное существо (в мире физическом существуют лишь передача и продолжение движения). В отдельных случаях от внимания человека может ускользать импульс движения и потому он может неодушевленное существо принять за одушевленное; наоборот, в других случаях одушевленное существо может показаться неодушевленным, так как может не производить движений – парализованное или свободно. Но эти ошибки не отрицают истинности присущей человеку мысли о движении, как признаке одушевленности. Начало физическому движению может положить только психический импульс. Для этого психического импульса нельзя отыскать никакого физического *prius*, он есть акт или результат свободного решения, и несомненный факт свободных движений заставил даже физиологов писать трактаты о воле в физиологии. За признанием произвольного движения у человека следует признание и других действий свободными. И на этом признание свободы утверждаются мысль об ответственности. Есть ли это чувство свободы – иллюзия? Кто желает нам это доказать, того мы прежде всего попросим нам объяснить, как понимать необходимость в приложении к психическим явлениям. В области матери если на тело действует несколько сил под различными углами, оно пойдет по равнодействующей, в области духа не может быть равнодействующей

мотивов, дух всегда должен бывает подчиниться одному из них. Как же здесь действует принцип необходимости? Нам не объясняют этого. Но нам не объясняют также, откуда, если в мире есть лишь необходимость, явилась идея свободы, идея ответственности. Не над одной моралью ставит крест детерминизм, он ставит его над смыслом поэзии, искусства, над порывами к высшему, идеальному, святому. Детерминизм несовместим с прогрессом, ибо прогресс состоит в том, что в последующем является больше, чем в предыдущем, а детерминизм утверждает равенство предыдущего и последующего. Без сомнения, понять свободный акт нелегко, может быть также нелегко понять творение из ничего. Но легко ли понять необходимость? Факт сохранения бытия менее ли загадочен, чем его возникновение. Если этот стол существовал минуту назад, то почему он существует и теперь? Этот вопрос может показаться странным, даже нелепым, но он законен. На него отвечают законом инерции, по которому всякое тело, пребывающее в покое, будет пребывать в нем доколе, доколе на него не будет произведено воздействие извне. Но закон инерции есть только выражение факта, а не его объяснение. Если сохранение вещества нам еще кажется, как будто понятным, то закон сохранения движения не является и с этим признаком. В сущности, мы одинаково не понимаем, как необходимости, так и свободы и может быть мы не понимаем их оттого, что не понимаем, что такое причина? Нам постоянно подкладывают немецкое понимание причины. Я говорю, немецкое, потому что такое понимание дается немецким языком. Причина по-немецки – *Ursache* – первовещь; по такой терминологии, пожалуй, легко, вывести, что причина вещи есть та же самая вещь только в иной форме бытия. Но названия других языков не дают оснований для построения подобной теорий причинности. Термины «причина», «основание», «импульс» (французское – *cause*, итальянское – *causa* и *cazione*, английское – *cause*, *reason*, *accunt*, русское – причина) наводят мысль на другое понимание причины, как некоего агента, который действует и деятельность которого совсем не тождественна с ним. Эта причинная деятельность непонятна.

Неверующие мыслители отвергают факт свободы обыкновенно после очень неглубокого исследования, что такое причина. необходимость, свобода. Нужно выяснить эти понятия или вернее нужно уразуметь факты, на основании которых они составляются. Нужно обратиться к тщательному исследованию психической и физической природы, нужно попытаться выяснить хотя один физический акт или одну психическую эмоцию в её глубочайших основаниях, поднятие пальца кверху или

падение с небольшой высоты маленькой снежинки. Пусть мне объяснят эти два маленьких явления, пусть покажут, что они действительно с неизбежностью были от вечности predetermined, как необходимый результат всей предшествующей истории. Никто и никогда не сумеет сделать этого.

Требование, чтобы мы представляли себя несвободными, стоит в противоречии с непосредственным свидетельством нашего сознания, точно также утверждение, что представление абсолютного и личного Божества заключает в себе внутреннее противоречие и в действительности немислимо, это утверждение стоит в противоречии с идеальными требованиями человеческого духа. Человек считает себя существом сознающим, мыслящим, свободным, но и свое сознание и свое мышление, и свою свободу он считает ограниченными. Будем наблюдать за собственными логическими процессами. Мы скоро увидим, что они далеко не во всем своем объеме проходят в поле нашего сознания; мы увидим, что наше мышление в значительной мере работает без участия нашего сознания. Положим нам дана математическая задача, мы рассматриваем её условия, ищем связи между данными и искомыми числами. Мы ищем ее более или менее долго, наконец находим и составляем уравнение. Можем ли мы показать, как открылась нам связь условий нашей задачи, как после разных колебаний и неверных предположений нас осенило открывшее истину вдохновение. Рассмотрим тщательно весь мыслительный процесс, и мы увидим, что в нем было много чего-то темного, что не всплывало на поверхность сознания. Если мы делали много раз задачи известного типа, мы, не думая, составляем их уравнения, но, ведь, несомненно мыслительный процесс происходит, только вне поля нашего сознания. Человек бежит по полю, на пути ему неожиданно встречается узкий ров, он, по-видимому не думая и совершенно не останавливаясь, перескакивает через него. Разве на самом деле он перескочил не думая. Его глаза смерили ширину рва, сообщили о ней его духу, тот решил какое усилие мускулов нужно употребить, чтобы перепрыгнуть эту ширину, дал импульс решению совершить таковое усилие, и прыжок совершился. Все здесь кроме начального и конечного момента произошло в каком-то психическом мраке. Психическая деятельность человека сложна и обширна, но сознание освещает только немногие её выдающиеся пункты в большей своей части она протекает во мраке. Но у человека есть представление возможности и того сознания и иного «Я», которое созерцает свою психическую деятельность, видит её сокровеннейшие изгибы, видит всю свою душу. Такое ведение на самом

деле возможно только для абсолютного «Я», ибо сознание неабсолютное не может знать никакого предмета вполне, как бы ни был ничтожен этот предмет. Ограниченное «Я» может расширять и углублять сферу своих познаний, но в области познания между ним и «Я» абсолютным всегда останется бесконечное расстояние. «Я» Абсолютное или Бог есть идеал, который верующая совесть считает живой реальностью. В этом представлении живого абсолютного «Я», нет никакого логического противоречия, напротив, все гносеологические работы человека направляются к тому, чтобы приближаться к этому идеалу, а конечно никто не захочет уподобляться тому, что есть *contradictio in adiecto*. Что сказано о сознании, то должно сказать и о мышлении. Как сознание (сознание «Я») развивается постепенно и стремится к безграничности, так и мышление, развиваясь, стремится к тому, чтобы стать абсолютным, хотя вечно остается ограниченным. Наше мышление со всеми его приемами и методами носит на себе печать ограниченности и условности. Возьмите какой угодно силлогизм и рассмотрите его, и вы увидите, что он сам в себе заключает доказательства, что составлявшее его существо ограничено и неспособно воспринимать истину во всей её полноте. Птицы не имеют зубов, ворон – птица, следовательно, у него зубов нет. В этом силлогизме мы прежде всего находим какую-то классификацию, представление какого-то рода «птиц», видим, что предметы и существа составителем силлогизма мыслятся в системе, но в природе нет ни родов, ни систем, в природе именуются только отдельные особи, связанные между собой некоторой связью, которая делает, что вся природа представляет собой единство. Абсолютное мышление должно мыслить ворона, как некую особь, представляющую элемент, часть в природе, но не как частное понятие по отношению к какому-то общему фиктивному понятию «птицы». Существует животный мир, существуют отдельные индивидуумы, но не существует класса «птицы» и вида «ворон». Эти понятия рода, системы суть фикции. Фикция – условно мнемонические приемы, при помощи которых мы нашим слабым мышлением познаем существующее. Мы не можем познать каждое конкретное явление в его отдельности и потому, наблюдая новое явление, мы говорим, что оно похоже на иное нами прежде виденное; следовательно, оно и есть тоже, что раньше виденное. Назвав увиденное нами явление радугой и увидев потом подобное же (но не тождественное) явление, мы говорим: это – радуга. Наша память слаба и потому вместо бесчисленного множества конкретных явлений мы наполняем ее немногими абстракциями. Несовершенны наши и приемы мышления. Это открывается в наших

математических теориях. Часто говорят о точности математики. Это – грубое заблуждение. В математике большая часть вопросов получает только приблизительно верные ответы. На простой вопрос, чему равен квадратный корень из двух, нам всегда дадут ответ только с большим или меньшим приближением. За исключением очень немногих все логарифмы неточны. Математика имеет и постоянно употребляет такое выражение – мы можем пренебречь этой ничего не значащей погрешностью, но ничего не значащих погрешностей на самом деле не существует, и с точки зрения абсолютной правды всякий неточный ответ есть ложный ответ. Бесконечно – малые ошибки, суммированные в бесконечно долгий период, дают колоссальную ложь. Поучительные примеры этого дает астрономия. Астроном изучает движение ново-появившейся кометы. Начеркивая линию её пути, он видит, что точнее всего эту линию назвать эллипсисом, но точно также, почти не греша, ее можно назвать и параболой (ибо эллипсисы с громадными эксцентриситетами в незначительном расстоянии от конца большей оси не могут отличаться от параболы). Астроном тогда вычисляет движение кометы по параболе, потому что такое вычисление значительно легче, чем вычисления пути по эллипсису, он вычисляет движение кометы на будущие месяцы, и его вычисления, употребляя ходячий термин, оказываются абсолютно точными. Он, положим, предсказал, что склонение и прямое восхождение кометы в Петербурге такого-то числа будут такими то, такие-то градусы, такие-то часы, минуты и секунды. Его предсказание оказалось совершенно верным. Но он знает, что в его вычислениях есть ошибка неуловимая, которая теперь не дает себя чувствовать наблюдателю, но которая потом может быть через десятки лет сама жестоко заявит о себе. Дело в том, что по его вычислению и комета, как двигающаяся по параболе, должна уйти от солнца в бесконечность, но на самом деле, как двигающаяся по эллипсису, она вернется к солнцу может быть через 50, может быть через 200 лет. Таким образом в конечном результате бесконечно малая ошибка дает бесконечно большую ложь. Таков характер наших познаний. Но достоинство человека заключается в том, что он сознает свои ошибки, видит их, постепенно их поправляет. Человек знает, что его представления о вещах не отвечают вещам, но что, однако эти представления настолько удобные и верные символы, что, пользуясь ими, он может ориентироваться среди вещей, и наконец, человек чувствует, что он может улучшать, усовершенствовать и расширять свои познания. Своему ограниченному и темному познанию человек преподносит, как идеал, абсолютное знание вещей, знание, которое знает предметы, как они суть, которое не

пользуется никакими теориями приближенных величин, никакими искусственными системами, не пользуется никакими даже и совершенными измерениями, а воспринимает вещи прямо, воспринимает их все одновременно. Это абсолютное знание человек мыслит принадлежащим абсолютному сознанию, абсолютному Я. Считая себя созданным по образу Того, Кто владеет совершенным знанием и сознанием, человек стремится приближаться к Нему, расширяя свои познания и углубляя их. Человек считает себя свободным, но его свобода ограничена, потому что у него ограничено количество представлений возможного образа поведения и у него ограничены средства для осуществления представляющихся ему возможными способов действий. Но он мыслит, что свобода может расширяться, что можно становиться свободнее к свободнее. Человек признает бытие Существа, Которое представляет бесконечное количество возможных действий (причем эти действия не исключают одни другие, а могут осуществляться совместно) и владеет бесконечным количеством средств для реализации этих бесконечных представлений или идей, Существа, Которое само полагает законы бытия и реализует их. Здесь не может быть речи о деятельности по необходимости, ибо мыслители разных веков, умевшие глубоко всматриваться в сущность бытия, учили, что здесь является Существо, Которое одинаково полагает бытие, как свободе, так и необходимости.

Человеку присуще представление, что есть идеальное высочайшее существо, которое может и желает дать все нужные средства человеку для достижения идеала. Я не знаю мысли более возвышенной и убеждения, которое могло бы более успокаивать нас среди скорбей и невзгод жизни, чем это убеждение.

Задача, которой мы с вами, господа, решили посвятить нашу деятельность, состоит в том, чтобы по возможности яснее и строже раскрыть правду этого убеждения, и задача нашей школы заключается в том, чтобы возможно глубже и сильнее ввести это убеждение в жизнь и сознание людей нашей родины. Одним из давно указываемых признаков разумности наших убеждений является то, что независимо от того, истинны ли они или ложны, исповедание их всегда принесет благо. «Если мы ошибаемся, считая христианскую религию истиной, мы теряем очень немного, сказал Паскаль, но какое несчастье, если мы ошибаемся, считая ее ложной».³ Если в горькие и тяжелые минуты своей жизни человек нашел облегчение и успокоение в молитве, то пускай эта молитва не нашла никакого отклика в пустоте неба, важно и хорошо уже то, что оно согрело сердце того, кто молился. Так должны рассуждать неверующие, а

они не представляют и не могут представить себе и сотой доли тех благ, которые получил в молитве верующий и безусловная ценность которых для него истинна и несомненна. Говорят, что религия ставит тормоз свободному исследованию, что она отрицает принципы, из которых исходит наука. Сейчас только что шла речь о том, что эти принципы ошибочны, но допустим, что они верны. На самом ли деле религиозные учения идут с такой бесспорной очевидностью против этих принципов? Нет, факты показывают, что невозможность согласит принципы всеобщей необходимости, детерминизма и т. п. с религиозными учениями и религиозностью вовсе не имеют бесспорной и общепризнанной очевидности. Бэм был строго последовательным пантеистом и глубоко убежденным христианином, на место творения он поставил истечение, и он никогда не сомневался, что его воззрения стоят в полной гармонии с Библией, он видел в них только комментарий к последней. Историческое исследование, говорят, непременно требует признания принципов детерминизма. Но учение кальвинистов в сущности – строго детерминистическое, подобным было и учение блаженного Августина, многие страницы Корана проникнуты идеями фатализма и детерминизма. И, однако, бл. Августин был очень благочестивым человеком, и кальвинисты, и мусульмане, несомненно, религиозные люди. Между тем говорят, что детерминизм содержит в себе отрицание разумности религии и религиозной деятельности. Мы согласны с этим, мы полагаем, что детерминизм утверждает неразумность религиозных действий точно так же, как и неразумность житейских отношений. Но, однако детерминизм может так же удобно признавать существование Бога, ангелов, святых и возможность общения с ними, как он признает и существование людей. А своеобразная теория предопределения детерминистических религиозных толков идет далее и хочет примирить всеблагость и правосудие Божие с неизбежностью человеческой судьбы. Ум человека слишком ограничен и одним из последствий его ограниченности является, что ему иногда представляется совместимым несовместимое или, наоборот, он отрицает сосуществование таких фактов, которые на самом деле существуют совместно, свобода и необходимость, промышленность и законосообразность, творение и сохранение вещества, величие божества и Его попечение о ничтожном человечестве. Но чем более человек размышляет, чем более изучает существующее, тем более, думаем, он во всяком случае убеждается, что тезис несовместимости доказать нелегко, что в существующем есть много неизвестных ему сторон, и что его прямолинейное и ясное мирозерцание только потому ясно и просто, что

он ничего не знает. Знания человека очень ограничены. Мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, и поэтому опираться на знания, чтобы принципиально отрицать религию, невозможно. И люди отрицают религию, потому что в их сердце нет веры, а не потому что они имеют знание.

Но их отрицание? Одним из признаков того, что оно представляет заблуждение, является то, что оно ведет к самым ужасным практическим последствиям. Если вечность отвела мне для наслаждения радостями жизни 40–50 лет, то, конечно, мне нужно торопиться не терять дорогого времени. «Станем есть и пить, ибо завтра умрём» (1 Коринф. 15:32, ср. Исаии 22:13). Этот тезис так прост, ясен и неотразим, что ему по-видимому неизбежно должно следовать. И ему бы последовали, и жизнь человечества превратилась бы в сплошную оргию, которая быстро бы закончилась гибелью человечества, если бы строй жизни человечества не держался доселе на традиционных религиозных началах, на требованиях справедливости, правды любви, вообще на всем том, в чем рационализм не может видеть никакого смысла и происхождение чего он никогда не сумеет объяснить. Конечно, люди слабы, в житейских отношениях много неправды, но люди все-таки знают, что такое добро и справедливость, и уже одно то, что каждый из нас возмущается несправедливостью другого, имеет великое значение для торжества справедливости. Это возмущение имеет для себя опору в вере в божественную правду. Неверующие философы пытаются создать какую-то этику, но на самом деле они могут предложить нам не этику, а только физику нравов. В их этике излагаются законы, по которым необходимо должны совершаться нравственные явления, у них нет и они не могут признавать *debet* – должно, у них есть только *est* и *erit* – есть и будет. Но есть ли хотя один неверующий мыслитель, который в глубине своей души не чувствовал бы лжи своего катехизиса, который не сознавал бы, что чувство долга не есть результат наследственной или личной привычки, но нечто вложенное в душу свыше? Мы думаем, что божественное происхождение нравственных обязанностей чувствуется всем человечеством.

Раскрыть и выяснить все это, раскрыть истинность и спасительность веры – наша задача к нашей обязанности. Мы видим, что против религии выступают враги со всевозможных сторон и во имя самых различных начал, против нее идут и во имя философских принципов, и во имя научных открытий. Но если врат надвигаются на нас отовсюду, то, значит, нам некуда бежать. Нам нужно укрепить свое положение. Прежде всего нам нужно для самих себя сделать наше вероучение возможно ясным,

полным и обоснованным. Мы – сыны православной церкви и церковь дает нам источники своего вероучения и свое толкование их. Мы должны по возможности выяснить и уразуметь их. Самое лучшее делать это, не поддаваясь никаким посторонним влияниям – естественнонаучным открытиям и гипотезам, философскими теориями. Но потом, когда наше исповедание явится нам в виде полной и ясной системы, тогда мы должны обратиться к сравнению его с учениями человеческими. Я указывал выше, что мы найдем разноречие по многим пунктам. Как должно поступать в виду этого разноречия? Нам думается, что в большинстве случаев не нужно спешить ни с отрицанием научных предположений, ни с приспособлением нашего вероучения к новому миропониманию. Везде, где возможно, лучше всего ждать – не найдут ли себе старая вера и новое знание примирения в некоторой высшей правде.

Я говорил о пунктах разногласия между православным вероучением и современными научными теориями. Говорят, Библия учит о неподвижности земли, и астрономия утверждает её движение. Многие богословы пытаются теперь утверждать, что в Библии, не говорится о неподвижности земли и движении солнца, они говорят об астрономических познаниях Моисея, о мудрости египтян и т. д. Я думаю, что эти богословы неправы. Моисей не знал теории Коперника, и выражения Библии просты и несомненны. Но, ведь, это способ выражения всего человечества, не исключая и современных астрономов. «Солнце зашло. Луна вступила в меридиан». Библия описывает явления так как они кажутся, языком понятным «для мудрых и простых вкупе». Астрономия стремится понять их, как он есть. Говорят, что «день» творения в Библии есть обыкновенный день, и что на самом деле творение или образование мира происходило в течение тысячелетий. Думается, что нелегко согласить оба эти утверждения. Когда людям была открыта тайна творения, они без сомнения не могли понимать геологических истин, и мы имеем все основания утверждать, что обучение человека естествознанию не входило в божественные планы. Бог, сказал Экклезиаст, «вложил мир в сердце их (людей, tradidit mundum disputationibus eorum в Vulg.), хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца» (Экклес. 3:2). История творения была возведена человечеству не в естественнонаучных, но в религиозных целях и была возведена в форме наиболее для него понятной, но вместе с тем, несомненно, в выражениях, наиболее отвечающих истине. По мнению Климента Александрийского все твари были созданы одновременно. Он полагает, что различие шести дней в Моисеевом повествовании не указывает действительной

последовательности времени, но представляет собой лишь прием, которым бытописатель приспособляется к нашему разумению и нашему способу понимать вещи, представляя в виде последовательной лестницы существа, которые составляют вселенную. «День, в который Бог сотворил мир, есть слово» (Strom. VI, 16. Migne). Ориген, ученик Климента, тоже признавал, что мир был сотворен мгновенно. Он основывал такое представление на повествовании Книги Бытия о четвертом дне творения. «Невозможно, говорил он понять дни с утром и вечером без солнца и без луны. Нельзя разделять творение на многие дни прежде, чем были. Это только образ, которым Моисей обозначает постепенность тварей». (De principis. I, IV, 16 Migne). Впоследствии у православных богословов явилось еще побуждение настаивать на мгновенном создании мира. Когда ариане стали учить, что Христос есть только «рожденный прежде всякой твари» (Колос. 1,15), некоторые из отцов церкви, обличая неправильное понимание текста арианами, настаивали на том, что самое деление тварей в арианском смысле по времени их происхождения несостоятельно. «Никакое создание не старше другого, писал св. Афанасий Великий в споре против ариан, все виды были созданы зараз одним и тем же повелением» (Orat. II contr. arian. n° 60. Migne). Мы видим, что по мысли этих толкователей день в библейском повествовании употребляется в значении обыкновенного дня, но они видят в этом повествовании о днях только приспособление к человеческому пониманию и утверждают, что в действительности никаких дней творения не было. Мы думаем, что их экзегезис в его отрицании за библейским повествованием о творении исторического характера ошибочен. Мы думаем, что дни творения были, что перед творением Творцом были созданы законы, по которым оно должно было совершаться, что творение совершалось с постепенностью и что оно действительно представляло собой лестницу восхождения существ. Мы допускаем далее, что процесс образования земли на самом деле был долог, обнимал собой далеко не шесть наших астрономических суток, и мы не знаем, на какую догматическую истину указывает Библия, говоря о шести днях, но едва ли можно сомневаться, что первые и ближайшие читатели Книги Бытия под днями разумели обыкновенные дни. Взглянем теперь на вопрос с другой точки зрения. Допустим, что традиционное понимание истории творения абсолютно истинно, и мир в законченном виде явился в шесть дней: Атлантический океан, Альпы, Каспийская низменность, взрослые животные, все это явилось сразу. Лошадь мгновенно была создана взрослой. Затем начался тот порядок, который существует и ныне – порядок постепенности развития и медленности изменений. Если принцип

этого настоящего порядка приложить к прошедшему, то тогда и получаются те сотни тысяч и миллионы лет, о которых учит геология. Какой вред от этого геологического учения? С теоретической стороны оно дает нам понимание строения земли, с практической оно дает указания, как и где в земле нужно отыскивать то, что нужно человеку. Геология во всяком случае исходит из принципа, что творение не было актом всемогущества, для которого всеблагий и всемогущий Бог не положил наперед никаких законов, но что оно было раскрытием законов и идей – творением по плану и порядку. Есть еще одна точка зрения, которую нужно принять в расчет при рассуждении об истории творения. И непосредственный наш взор, и естествознание несомненно представляют вещи не такими, каковы они суть. Время, пространство, материя, движение, все это не таково, каким нам кажется. Отсюда вытекает, что и Библия, и геология дают нам недействительную, а только символическую историю мира. Символы эти в нашем понимании теперь не представляются тождественным, но выводы следующие из них одни, процесс образования мира был некоторым законосообразным процессом развития, процессом перехода от однообразного к разнообразному, от простого к сложному, от низшего к высшему.

В вопросе о происхождении человека конфликт между вероучением и научными теориями, говорят, особенно резок. Это бесспорно. Однако и здесь, прежде чем поднимать спор, может быть, полезно обратить внимание на некоторые пункты. Во-первых, Библия процесс происхождения человека представляет двойственным: «Создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 11:7). Здесь две стороны: естественная и сверхъестественная или, говоря иначе, земная и небесная. Первая сторона в некоторой мере может быть доступна пониманию или представлению человека. Во-вторых, и с точки зрения Библии невозможно оспаривать, что появлению на земле человека должно было непосредственно предшествовать появление тварей близких к нему по своей физической организации. Все, что мы видим на земле до человека, все это суть как бы подготовительные ступени – для появления человека. Но конечно, гипотеза собственно дарвинистическая в её принципах безусловно несовместима с нашим вероучением. Позволительно, однако отметить, что эта протеза по сознанию самых решительных её сторонников не имеет за собой прямых фактов, что она делает предположения, основываясь на аналогиях, на отдаленных догадках, и что для всякого, кто допускает существование в мире не одних механических принципов, эти соображения сами по себе не могут иметь

никакой силы.

Пытаются идти против авторитета Библии. Новейшая критика, говорят, открыла, что кодификация Библии была совсем иной, чем это представляют. Здесь прежде, чем переходить к обсуждению подробностей, нужно обратить внимание на два пункта:

1) что вообще хронологические вопросы и вопросы об авторстве – может быть за исключением только некоторых случаев – имеют лишь историческое, а не догматическое значение. И затем:

2) что результаты критики, которая собственно доселе представляет собой не критику, а ряд отрицаний и поправок во имя системы гипотез, не опирающихся ни на какие фактические основания, эти результаты можно было предвидеть. Результаты критики уже заключались в её методе и принципах. Критика вышла из убеждения, что история религиозных судеб еврейского народа была совершенно аналогичной судьбам других народов древности, обожествление различных предметов и явлений, политеизм и наконец монотеизм. А так как Библия не дает для таких взглядов действительных оснований, то стали находить основания мнимые, упоминание в Библии о дубе по гипотезе наших критиков служит доказательством, что у евреев почитались священные деревья, упоминание о гробе доказывает существование культа предков. Такова логика рационалистической критики. Настаивая на тождестве религиозной истории евреев и других народов, эта критика, однако, упускает очень важный факт, что ни один народ сам не пришел к монотеистическим верованиям. Монотеизм дан человечеству евреями. Откуда же он возник у этих скромных семитов? Где исторические аналоги для объяснения этого факта? Если не Единый Бог создал евреев, то как евреи сумели создать этого Единого Бога? На этот вопрос критика не дает ответа, но что история евреев не заключала в себе ничего чудесного и поразительного, это доказывается критикой необыкновенно легко и просто. В Библии мы встречаемся с пророчествами. Рационалистическая критика не допускает их существования. Поэтому раз в Библии встречается пророчество, то по теории критиков оно должно быть или написано после события или под ним должно разуметь не то последующее событие, к которому его относили. Пророчество Исаии о Кире (Исаия XLV) должно быть написано во времена Кира (VI в. до Р. X), отсюда вывод критики, что оно написано не Исаией (VIII в. до Р. X.), а неизвестным современником Кира. Пророчество Исаии о Христе (Исаия LII:13–LIII) написано несомненно до Христа; отсюда вывод, что оно, значит, имеет в виду не Христа, ибо пророчеств не может быть, и вот, составляется толкование, что отрок

Иеговы, Эбед Иеговы, вовсе не отрок, не лицо, а лучшая часть еврейского народа, спасающая весь народ. Такие или более правдоподобные выводы у неверующих исследователей должны получаться неизбежно, как неизбежно алхимики старого времени, искавшие золота, находили его в своих тиглях, потому что клали его туда в начале опыта.

Историки говорят, что христианские догматы образовывались естественным образом. Мы можем и им сделать уступку и допустить, что провидение пользовалось и естественными средствами, историческими событиями, державшимися на очереди дня учениями, чтобы направить человеческую мысль к уразумению сверхъестественной истины, содержимой церковным сознанием.

Но, может, быть Вы уже давно думаете, господа: не слишком ли много уступок, не предлагаю ли я вам поспешно принимать, как истину, человеческие измышления и не предлагаю ли я Вам мириться с ложью, пассивно смотреть на её существование и распространение. Нет, я вовсе не думаю звать вас на путь уступок. Уступки в области истины невозможны. Я думаю только, что нужно остерегаться резко и горячо нападать на новые учения, как на противные религии, что нужно наперед много и тщательно подумать о них, чтобы с нами не случилось того, над чем жестоко смеялся один из геологов нового времени Агассис и слова которого в укор богословской оппозиции новым учениям часто повторяют теперь и в книгах, и с кафедр. «Как только новый и поразительный факт появляется в науке, сказал Агассис, говорят: это – неправда; потом это – противно религии, а под конец; это давно известно всему свету“. Вот, почему мне думается, что, когда связь новых учений с верой является отдаленной, когда они непрямо направляются против основных истин веры, ненужно спешить с их суровым осуждением. Если после тщательного исследования они окажутся антирелигиозными, конечно, их должно опровергать и оспаривать, только не нужно вносить в это дело того фанатического пыла, о котором потом, быть может, придётся пожалеть. Мы можем смешать свое понимание истины с истиной и потом, воображая, что защищаем высшую истину, может защищать свое жалкое заблуждение.

Будем осторожны! Но, конечно, осторожность прежде всего должна выражаться в твердом сохранении и исповедании того учения, которое нам передано, и затем во внимательном исследовании тех учений, которые появляются вновь. Постараемся, не поступаясь истиной, найти общую почву для обсуждения вопросов с людьми, которые отрицают истинность наших воззрений и, следовательно, полагаем мы, идут против истины. Пусть эти люди не видят в нас своих личных врагов, но только врагов их

доктрин. Этим доктринам мы не будем делать уступок и думаю, что история научных открытий последнего столетия особенно побуждает богословов к стойкости и твердости в установившемся понимании богодухновенного учения. Можно бы долго и далеко простереть слово в повествование о том, как новые открытия подрывали старые теории, которые некоторые из богословов пытались искусственным образом примирять с Библией. Из многого выберем немногое.

В первой половине XIX века в геологи прочно утвердилась теория катастроф, ревностным защитником которой был Кювье. Сущность этой теории состоит в том, что геологические эпохи следовали одна за другой не постепенно и спокойно, но что каждая эпоха оканчивалась катаклизмом, катастрофой, все разрушалось и на развалинах разрушенного возникли совершенно новые фауна и флора. Основание для этой теории представлял тот факт, что в геологических отложениях пласты, лежащие непосредственно один, на другом нередко представляют совершенно различный характер, заключают в себе останки совершенно различных типов жизни. Для объяснения этого факта геологи предположили, что каждая геологическая эпоха оканчивалась потопом, причину этих потопов они усматривали в поднятии горных цепей, которые под действием тектонической силы земли будто бы сразу выходили из земли во всем своем могучем величии. Геологам казалось, что по изменению в наклоне горных напластований они могут определять даже моменты рождения гор. Их теория заставила некоторых не геологов высказать, что у геологов горы растут, как грибы. Но этой иронии, разумеется, никто не придавал серьезного значения. Теория катастроф прочно утвердилась в геологической науке, и вот, богословы начали пытаться примирять составленную учеными историю земли с той, которая написана в Библии. В Библии нет ни малейшего намека на то, что до создания человека землю постигали катастрофы и что развитие жизни на земле совершалось какими-то скачками и с какими-то прорывами. Все это постарались найти. Первую главу Книги Бытия начали объяснять так: «в начале сотворил Бог небо и землю». В этих словах разумеется полное и законченное творение. Далее говорится: «земля была безвидна и пуста». Здесь, по мнению толкователей для понимания дела нужно вставить некоторые посредствующие положения, что жизнь, созданная на земле, подверглась опустошению и разрушению. Первый текст кратко говорит о земле до катастрофы, со второго начинается история земли после последней катастрофы (сколько бы катастроф раньше не было), история последней эпохи, в которую появился человек. Геологическая теория, направившая

мысль богословов на такое толкование, навела наиболее смелых из них даже на предположение о порче текста, о том, что будто бы между первым и вторым текстом в теперешних библейских кодексах полущены слова, говорившие о падении ангелов и о возникновении расстройств в природе. Но вот, во второй половине XIX века было выяснено и теперь геологами всех стран и направлений безусловно признано, что теория катастроф основывается на совершенно ошибочном истолковании фактов и стоит в противоречии со всей совокупностью геологических изысканий. Установили, что нет никаких оснований и никаких научных побуждений предполагать в прошедшем катастрофы более грандиозная, чем какие происходят теперь. Геология признала принцип постепенного и последовательного развития. Богословы, поспешившие с своей теорией соглашения, так смело призвавшие на помощь фантазию для соглашения Библии с наукой, должны были почувствовать себя в неловком положении, потому что во всяком случае новое геологическое учение оказалось более приближающимся к букве священного текста, чем их толкование этого текста.

В этом деле были еще некоторые подробности. Геологи, развившие теорию катастроф и потопов, начали утверждать, что все потопы были на земле раньше существования на ней человека, и это утверждение причинило немало хлопот богословам в истолковании библейского потопы. Выступив против теории катастроф, новая геология на первых порах зашла очень далеко в их отрицании, были отвергнуты все потопы, и библейское повествование о потопе было отнесено в область саг, не имеющих для себя никакой реальной подкладки. Так было до восьмидесятых годов. В это время геология, соединившись с ассириологией (исследование Павлом Гауптом халдейской саги о потопе и геологические работы Зюсса, затем работы Гоурта) установила, что в основе библейского повествования о потопе лежит несомненный геологический факт. В новейших курсах геологи обыкновенно отводят главу этому факту. Но это, конечно, не последнее слово. Такого слова геология не сказала доселе еще ни по одному из решаемых ей вопросов, и едва ли кто из живущих теперь доживет до того, что услышит такое слово. Поставим себе вот какой вопрос, во время этих смен геологических воззрений, во время этих научных смут и волнений, когда для возникновения Альп назначали то несколько часов, то несколько миллионов лет, какие из богословов оказались наиболее мудрыми? Без сомнения, те, которые наименее подчинялись давлению научных гипотез, и те, которые верили наиболее просто, руководясь ближайшим

пониманием буквы Библии, оказались наиболее правы.

Теперь другой факт. Равно сто лет в космогонии существует гипотеза происхождения солнечной системы, предложенная Лапласом. По этой гипотезе на месте нынешней солнечной системы некогда был один громадный шар, состоящий из раскаленной газообразной матери. При его вращении около своей оси центробежная сила преодолевала центростремительную, и вследствие этого от его экватора в различные периоды (по мере охлаждения и сжатия шара) отделилось по кольцу, и из этих колец вследствие взаимного притяжения частиц образовались планетные шары, у которых тоже вследствие преобладания центробежной силы отделялись и образовывались кольца и из них спутники. По этой гипотезе все вышло из солнца. Земля, это – дочь Солнца, как Луна – дочь Земли. Эта гипотеза в первую половину века прочно утвердилась в умах ученых, и богословы приложили немало стараний к тому, чтобы примирить ее с Библией. Повествование Библии, что Господь сотворил солнце в четвертый день, когда на земле уже были растения, стали говорить богословы, вовсе ненужно понимать в том смысле, что действительно земля некогда существовала без солнца и существовала ранее солнца. Нет; нужно понимать это иначе и проще. Земля в первое время своего существования была окутана густым непроницаемым слоем углекислоты, из которой тогдашняя роскошная растительность извлекала себе богатую пищу. Солнца тогда не было видно. Но вот, состав атмосферы изменился, она сделалась более прозрачной и для земли явилось солнце, о чем бытописатель повествует как о событии четвертого дня. Богословы при этом не считали нужным рассуждать о том, что согласно библейскому повествованию с поверхности земли некому было смотреть на солнце и в четвертый день, а для земли (атмосфера, ведь, принадлежит земле) солнце по гипотезе существовало и в первые три дня. Со второй половины века астрономия постоянно наталкивалась и наталкивается на факты, которые находятся в противоречии с космогонией Лапласа, но долго ученые, несмотря еще и на то, что с точки зрения принципов механики теория Лапласа вызывала серьезные возражения, не решались отступать от традиционной космогонии, они делали предположения, что новые факты – исключения вследствие каких-либо неоткрытых особенных условий, что эти факты объяснятся, когда будут открыты эти условия, но исключения умножались, и ссылки на неизвестные условия теряли все более и более право на существование. Теперь гипотеза Лапласа (в предложенном им виде) едва ли имеет сторонников, хотя все отдадут дань уважения ей, как гениальному

обобщению и гениальному истолкованию фактов для своего времени. Ведь, все факты солнечной системы во время Лапласа строго согласовались с его теорией (только кометы не подходили под его объяснение, и он сделал предположение, что они – пришельцы из иных неведомых миров). На основании теории можно было делать предсказания о новооткрытых светилах, в каком направлении должно быть их движение и т. д. предсказание Лапласа о направлении движения планет и их спутников было потом подтверждено сотнями открытий (до открытия спутника у Нептуна, движение какого спутника оказалось обратным предполагаемому). Точно также из теории вытекало, что все малые планеты в солнечной системе находятся между Марсом и Юпитером, представьте, до августа 1898 года было открыто 434 малых планеты и все они занимали на небе место, указанное для них Лапласом. Но пришел час, когда и в области исследования малых планет произошло тоже, что случилось в области исследования движения планетных спутников. Новооткрытый факт оказался несогласующийся с теорией. Есть в Берлине на улице инвалидов обсерватория Урания. Эта обсерватория владеет очень хорошим телескопом. Здесь 14 августа (2 по ст. ст.) 1898 г., в этот телескоп астрономом Виттом была открыта фотографическим путем новая 485 малая планета, названная Эрос. Сущность фотографического способа исследования неба заключается в следующем. Телескоп при помощи гигантского часового прибора вращается так, что он неизменно остается направленным на один и тот же небесный пункт, он вращается, так сказать, в унисон с небом (ведь, небо говоря языком Библии и общечеловеческим вращается), фотографическая пластинка помещается в поле зрения телескопа отмечает светила находящиеся в этом пункте неба. Звезды на пластинке всегда отмечаются как точки, но планеты и кометы проявляются на ней как черточки. Это происходит от того, что планеты и кометы, участвуя в общем суточном движении небесного свода, имеют еще свое собственное движение около солнца и перемещаются между звездами. Непрерывное перемещение и дает линию. Исследование легко показало, что светило открытое Виттом – не комета, следовательно, оно было планетой. В момент открытия планета находилась в созвездии Водолея, по напряженности света должна была быть отнесена к светилам одиннадцатой величины её координаты были следующие: $AR = 21^h 26^m 32,6^s$; $D = 96^\circ 24' 21''$. Другой берлинский астроном Берберик изучил элементы этой планеты и с удивлением констатировал, что она совершает свое вращение около Солнца в 600 дней, приблизительно на 85 дней скорее, чем Марс, и так как период обращения планет около солнца тем

более велик, чем далее они отстоят от солнца, то следовательно новая планета должна быть к Солнцу ближе, чем Марс и далее, чем Земля; т. е. она находится между Марсом и Землей. Большая полуось планетной орбиты DQ немного меньше большой полуоси Марса. Эксцентриситет её весьма значителен. В известных случаях она должна так приближаться к земле, что её блеск должен быть равен блеску звезды шестой величины. По теории Лапласа каждая планета с своими спутниками образовывалась из особого кольца, отделившегося от солнца, но одно из таких колец отделившееся после того, из которого образовался Юпитер, распалось на массу мелких тел – массу маленьких планет, из следующего кольца отделившегося от Солнца образовался Марс, из следующего Земля – каждая планета со всеми своими спутниками из одного кольца, из чего же образовалась маленькая 435 планета? Космогония Лапласа не может дать ответа на этот вопрос. Маленькая планета, открытие которой вообще считают очень важным и дающим новый свет для представления солнечной системы, есть новый факт, опровергающий лапласовскую систему и подтверждающий основные принципы новых воззрений. Много уже в течение полстолетия собралось открытий, подтверждающих эти воззрения, открытие Эроса является новым и немаловажным доводом в их пользу. Теперь предложено несколько новых космогонических теорий, они различаются между собой в подробностях, но они согласны между собой в своей основе, и сущность их всех заключается в следующем. На месте нынешней солнечной системы находилась некогда разреженная пылеобразная туманность, или вернее вещество солнечной системы некогда представляло собой разреженную туманность, так и как место, которое занимала эта туманность в пространстве было, разумеется, совершенно иным, чем ныне (солнечная система имеет собственное движение, она направляется теперь к созвездию Лиры и Геркулеса). В различных пунктах туманности образовались местные сгущения вещества, из этих местных концентраций образовались планеты. Из ближайшего вещества к этим планетам начали образовываться их спутники. Образование планет имело своим следствием то, что в туманности явился центр тяжести. Остатки пылеобразного вещества, не вошедшего в состав планет и их спутников, устремились к центру, и из них возникло солнце. Очень только незначительное количество вещества пошло на образование планетной системы, громадная часть туманной массы вошла в состав солнца. Образование Солнца происходило с постепенностью и, как это ни странно, можно сказать не окончилось до сего дня. Дело в том, что пылеобразное вещество при своем движении по направлению к Солнцу не

всегда попадало в сферу центрального притяжения, но в значительном количестве уходило от Солнца назад по удлинённым эллипсисам, чтобы потом снова и еще ближе подойти к Солнцу и т. д., пока наконец, приближающееся вещество не вступит в сферу центрального притяжения и не упадет на Солнце. Кометы и падающие звезды, это остатки того первичного вещества, из которого образовался солнечный мир, это материал, который рано или поздно также пойдет на постройку Солнца, а отчасти и планет. Интересный пункт для богослова в этих новых космогонических учениях, которые стали появляться с половины восьмидесятых годов, это тот, что по ним не Солнце явилось на свет раньше Земли, а Земля раньше Солнца, дитя оказывается старше своей кормилицы. Это утверждение старшинства Земли над Солнцем во всяком случае согласуется с непосредственным смыслом буквы Библии. Как же должны теперь чувствовать себя те богословы, которые хотели смысл повествования Библии приспособить к космогонии Лапласа и под давлением авторитета последней отказывались понимать ясный смысл первой?

В последний год астрономия должна занести в свои летописи еще одно открытие, которое вызывает сильные недоумения и наводит на глубокие думы. Открытие это сделано Ликской обсерваторией в Калифорнии и Пулковской близ Петербурга. Согласия наблюдений двух обсерваторий устраняет возможность заблуждения. Наблюдения их заключались в том, что звезда третьей величины в созвездии Пегаса в течение 1897 г. двигалась по направлению к Земле, а в 1898 г. стала двигаться по направлению от Земли, причем её скорость, когда она приближалась к нашей системе, равнялась $4\frac{1}{2}$ километрам в секунду, теперь она удаляется от нас со скоростью $16\frac{1}{2}$ километров в секунду. Метод, при помощи которого определяют направление и быстроту движения так называемых неподвижных звезд называется спектроскопическим. При помощи непосредственных и телескопических наблюдений собственное движение некоторых неподвижных звезд удалось констатировать только в тысячелетия и столетия, но спектроскопический анализ дал в последние годы средства вопрос о движении звезд и направлений движения решать не в тысячелетия и столетия, а в часы и минуты. Если солнечный луч принять на трехгранную стеклянную призму, то он дает семицветный спектр. Если мы отбросим этот спектр на экран не при помощи простой призмы, а при помощи возможно усовершенствованного инструмента (спектроскопа), то мы найдем, что в цветных полосах спектра проходит множество тонких черных полосок.

Они называются фраунгоферовыми линиями. По этим линиям и их положению в спектре определяют химический состав светила (солнца, звезд), от которого получен спектр. Если тело, спектр которого мы исследуем, находится в движении, то для нас его фраунгоферовы линии должны казаться перемещениями, при приближении тела они передвигаются к фиолетовому концу, при удалении – к красному. По величине этого перемещения можно определить скорость приближения или удаления светила. Таков метод. Что он точен, это, бесспорно. Что на практике он вызывает большие затруднения (чрезвычайная сложность и мелкость измерений), требует громадного искусства и опытности, это скажет всякий знакомый с делом. Согласие наблюдений в разных обсерваториях служит лучшим доказательством, что эти трудности преодолены с успехом. Какой же смысл новых открытий, добытых при помощи этого метода? Они, по нашему представлению, колеблют те учения небесной механики, начало которым дал Коперник, продолжили которые Кеплер и Галилей и закончил Ньютон, они являются нам фактами несогласуемыми с теорией всемирного тяготения установленной Ньютоном. Открыли, что 1830 звезда Грумбриджа (в созвездии Большой Медведицы) движется со скоростью 300 километров в секунду, такая скорость делает невозможным притягивающее влияние на нее со стороны других светил она находится вне сферы всемирного тяготения. Н. Пегаса, мы видим, изменила свое направление и скорость. Что могло быть причиной этого изменения? От астрономии, с точки зрения Ньютоновских принципов, не могла бы укрыться эта причина, однако она не найдена, ее не видно и о ней трудно составлять предположения. Одно только предположение настойчиво навязывается уму, что наша вера в безусловную всеобщность и истинность принципов новой астрономии должна быть отвергнута. Но если так, то не подходим ли мы с некоторым новым светом к тому старому пункту, где некогда пришли в столкновение система Коперника и Библия. И если Библия точно описывает то, что кажется, то система Коперника (разумею; в законченном и усовершенствованном виде, ибо у самого Коперника она является в виде несовершенном) правдиво ли представляет то, что есть? И наконец, вообще не правы ли богословы в своем скептическом отношении к доктрине каноника из Торна, к различным новым учениям? Новые учения возникают ежедневно, и истина в представлении легкомысленных людей меняет свое лицо каждый день. Но истина вечна и неизменна. Такой ее мы находим в Библии и, принимая библейское повествование так, как оно представляется непосредственно здравому смыслу, мы гораздо менее

рисуем впасть в заблуждение, чем если мы будем читать ее при свете новых научных предположений и доктрин.

Я говорил теперь только об учениях, имеющих теоретический характер, которые далеко отстоят от жизни и практических применений, но история знает возникновение и таких учений, которые имели глубоко развращающее влияние, потому что оправдывали зло, и с которыми, однако своеобразные экзегеты пытались соглашать учение Библии. Таков полигенизм – учение о том, что различные человеческие расы произошли от различных родоначальников. Некогда Вольтер говорил, что только слепой может не видеть, что негр и европеец не могут происходить от общего предка, и еще ранее Вольтера некоторые богословы стали утверждать, что Библия учит о происхождении от Адама одной белой расы, что в первой и второй главах книги Бытия говорится о творении различных человеческих родоначальников. Полигенетическая теория дала научное оправдание рабства, и американцы прямо утверждали на нем свою бесчеловечную эксплуатацию негров. Плантатор бил негров бичом, считая их хуже скотов бессловесных. Чем отвечала Библия на подобную дикую расправу? Притчей о милосердном самарянине. Что говорят, ученые наших дней обо основаниях полигенизма? Что эти основания безусловно несостоятельны, что физические различия человеческих рас суть следствие различия условий жизни, и что эти различия могут идти гораздо далее, хотя бы все люди произошли от одного общего предка. Ни один ученый теперь не станет оспаривать справедливости этого положения.

Таковы факты. Они предостерегают нас от увлечения ветром новых учений, от легкомысленных уступок, побуждают нас твердо держаться того, что предано нам. Они дают нам твердое убеждение, что конфликт между верой и наукой в той форме и по тем пунктам, по которым он существует теперь (в естествознании и истории), исчезнет в будущем, но, сознаюсь, они не дают уверенности, что не явится новых учений, которые в глазах человеческих примут подобие истины и которые будут стоять в противоречии с верой. Апостол сказал коринфянам: «надлежит быть и разномыслиям между вами» (1Кор.11:18). Если надлежало быть разномыслиям между коринфянами, то тем более, конечно им надлежит быть во всем роде человеческом. Эти разномыслия, недоумения, сомнения найдут себе полное разрешение только на небе. Но обязанность, которую мы приняли на себя, дело, которому мы решились служить, состоит в том, чтобы уменьшать разномыслия и заблуждения на земле. Будем дружно и усердно служить этому святому делу!

Примечания

¹ - Вступительные чтения по Введению в Богословие в Московской Духовной Академии (6 – 20 сентября 1899 г.) по возвращении из заграничной командировки.

² - Тогда наступила так называемая архейская эра. Она включает в себе прекембрийскую систему (особенно характерны гуронские отложения), силурийскую (заклюает кембрийские, ордовикские и готландские отложения), девонскую (с этажами – гединским, кобленским, эйфелевским, гиветским, франийским, и фаменийским), каменноугольную (подразделяется на эпохи – динатьенскую, собственно угольную, вестфальскую, стефановскую; это собственно для запада; в России развитие системы представляет некоторые самостоятельные этажи, например, московский) и пермскую (этажи: отенский, саксонский, тюрингенский, немцы обыкновенно называют эту эпоху лиасом). В эту первичную эру жизнь на земле проявлялась только в сравнительно низших формах. Множество моллюсков, которые живут в морях (моря тогда покрывали гораздо большую часть поверхности, чем теперь), каковы: *Calymene Blumenbachi*, *orthoceras regulare*, *calceola sandalina*, *Productus coxa*, были тогда особые ганоидные рыбы, не похожие на ныне существующие, какова *osteolepis* (из девонских отложений); растительность состояла главным образом из тайнобрачных (лепидодендроны, сигиллярии, достигавшие высоты 15 – 29 сажень, сфеноптерис, пекоптерис, теперь у нас представителями тайнобрачных служат скромные папоротники, мхи и т. п.), затем были односеменодольные (подобные теперешним пальмам) и голосемянные (теперь к голосемянным принадлежат хвойные смолистые). За этой первичной эрой последовала вторичная. Она обнимает систему триасовую (теснейшим образом примыкает к пермской, некоторые называют её отложения пикилийской группой пермской системы), юрскую (разделяется на этажи: 1) ретийский, хеттангийский, синемурийский, шармутъенский, тоарский, 2) байосийский, батонский, 3) калловийский, оксфордский, рауарасийский, секвапский, кимериджский, портланский, это – этажи трех подразделов юрской системы масавского или инхрагорского, среднеюрского и верхнеюрского); наконец, эта эра оканчивается системою меловой, которая подразделяется на нижне- и верхне- меловую (этажи: 1) неокомийский, баремийский, антийский и альбийский; 2) кепоманийский, туронский, сенонийский, данский). В эту

эру жизнь вступает в новую высшую фазу развития. Морская жизнь характеризуется развитием аммонитов (моллюски с спиралеобразными раковинами), являются и белемниты (моллюски продолговатой формы строения). На суше являются пресмыкающиеся хиротериум, оставивший отпечаток своих лап на вечные времена на песчанике, динозавры (пресмыкающиеся весьма родственные птицам) ихтиозавры, плезиозавры (саврии крайне длинного строения), археоптерикс – (птица с зубами, очень похожая на ящерицу), птеродактилос (летающая ящерица, очень похожая на птицу). Гесперорнис – высший тип птицы. Ящерицы той эпохи имели крайне громадные размеры, но очень скудное количество мозга, жизнь представляла тогда грубые и дикие формы, на земле не было разума и любви, была, только жестокая struggle for life – борьба за жизнь за существование. За вторичной эрой следует третичная. Она разделяется на эоген (эоцен и олигоцен) и неоген (миоцен и плиоцен). Эоцен подразделяется на этажи: 1) евросонские: танетский, сфарнанский и инресский; 2) парижского бассейна: лютецкий, бартонский и людийский. Оligocene делят на два этажа; тонгрийский (подразделяется на саннуасийский и стамнийский) и аквитанский. Миоценовый период, имеющий значение громадной важности, подразделяется на эпохи: бордогальскую, молассовую, тортонскую, сарматскую и понтскую. Плиоцен разделяется на этажи: илезансиен, астежан сидилийский. С третичным периодом начинается распространение на земле млекопитающих. Являются толстокожие, например, палеотериум, из рыб размножаются сквалы (акулы относятся к их роду), являются жвачные родственные толстокожим, в конце периода оказываются существующими мастодонты, слоны, носороги, гиппопотамы и наконец является лошадь. Носороги и слоны этого периода не тождественны с ныне существующим, но принадлежат к тому же самому виду. За третичной следует новая или четвертичная эра. Геологи не имеют для неё общепринятой и бесспорной классификации. С геологической точки зрения эта эра только что начинается. Эта эра обнимает собой ледниковую эпоху и современную, т. е. ту, в которую живем мы. В ледниковую эпоху жило много животных типов, которые угасли и вымерли теперь (мамонт, пещерные – лев, тигр и медведь, может быть diognis – гигантская птица), но все то, что живет теперь, несомненно жило и в ледниковую эпоху. Человек уже жил в то суровое время и вел жестокую борьбу за существование с природой и животными (эта эпоха характеризуется сильным понижением температуры, обилием воды и ледников). Он вышел из этой борьбы торжествующим победителем. Таковы фазы, которые пережила земля в

своей истории.

³ - Pascal, *Pensées*, p. 50. *Biblioth. national.*

Содержание

Религия и наука в их отношении к наступающему XX столетию ¹ профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Глава I	3
Глава II	24
Глава III	46
Примечания	77